

V. BONTCH-BROUEVITCH
3, Rue de la Colline
GENÈVE (Suisse)
1074

А. С. Пругавинъ.

РАСКОЛЪ и СЕКТАНТСТВО

ВЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Съ критическими замѣчаніями
духовнаго цензора.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва. — 1905 г.

Того же автора:

„РЕЛИГІОЗНЫЕ ОТЩЕПЕНЦЫ".

Очерки современнаго сектантства. Два выпуска. СПБ., 1904 г.

Выпускъ первый. 210 стр. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: 1. Сютаевцы. — Проповѣдники мира, любви и братства. — 2. Апостолъ Зосима. — 3. Еретики.

Выпускъ второй. 252 стр. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: 1. Немоляки.—2. Медальщики.—3. „Вредныя секты": Бѣгуны. Неплательщики. Лучинковцы. — 4. Новая секта (сѣкачи). — 5. Штунда среди великороссовъ.— 6. Бѣлоризцы. — 7. Интеллигентная секта.—Десное братство.

Складъ этихъ изданій въ книжномъ магазинѣ товарищества „Общественная Польза", СПБ., Большая Подъяческая, 39.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО

во второй половинѣ XIX-го вѣка.

Очерки изъ новѣйшей исторіи раскола. Москва. 1904 г. 280 стр. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Два милліона, или же двадцать милліоновъ? — Уральское старообрядчество.—Отчего растетъ расколъ?—Запросы и проявленія культурной жизни въ расколѣ.—Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости.—Старообрядческій епископъ Савватій.

Складъ этой книги въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. СЫТИНА:
въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Харьковѣ.

МОНАСТЫРСКІЯ ТЮРЬМЫ

въ борьбѣ съ сектантствомъ.

Къ вопросу о вѣротерпимости. Съ критическими замѣчаніями духовнаго цензора.

Изданіе „Посредника". Москва. 1905 г. Цѣна **60** коп.

Содержаніе: Монастырскія тюрьмы и монастырскіе узники. — Конецъ Соловецкой тюрьмы.—Монастырскія заточенія послѣдняго времени.

А. С. Пругавинъ.

РАСКОЛЪ и СЕКТАНТСТВО.

ВЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Съ критическими замѣчаніями
духовнаго цензора.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1905.

Дарь 1959

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
834
59

Отъ С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 8 октября 1904 г.

Цензоръ іеромонахъ *Александръ*.

ОТЪ АВТОРА.

Вопросъ о расколѣ — сектантствѣ принадлежитъ къ числу вопросовъ, еще слишкомъ мало разработанныхъ нашей литературой. Многія весьма важныя стороны этого оригинальнаго явленія духовной жизни русскаго народа до сихъ поръ еще остаются недостаточно выясненными. Въ виду этого попытка, имѣющая цѣлью освѣтить тѣ или иныя стороны раскола—сектантства, указать и намѣтить причины, которыя поддерживаютъ его существованіе и даже способствуютъ его усиленію — едва ли можетъ считаться излишней.

Руководствуясь этими соображеніями, авторъ рѣшился выпустить отдѣльнымъ изданіемъ журнальную статью, которая появилась въ печати болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ по вопросу — до сихъ поръ еще въ извѣстной степени спорному — о значеніи раскола — сектантства въ русской народной жизни [1]).

Авторъ отнюдь не претендуетъ исчерпать этой брошюрой затронутый въ ней вопросъ, такъ какъ вполнѣ, разумѣется, сознаетъ необходимость бо́льшаго обоснованія и болѣе детальной разработки выставленныхъ въ ней положеній, что́

[1]) Эта статья подъ заглавіемъ „Значеніе сектантства въ русской народной жизни“ первоначально была напечатана въ январской книжкѣ журнала „Русская Мысль“ за 1881 годъ.

онъ и намѣренъ выполнить въ одной изъ слѣдующихъ работъ, пользуясь тѣмъ обширнымъ матеріаломъ, который собранъ имъ по вопросу о религіозно-этическихъ движеніяхъ русскаго народа — какъ путемъ занятій въ разныхъ архивахъ, такъ и путемъ непосредственнаго изученія сектантства въ мѣстахъ его наибольшаго распространенія.

Что касается системы борьбы съ расколомъ, разбору и критикѣ которой въ этой брошюрѣ удѣляется не мало мѣста, то читатель не долженъ упускать изъ виду, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о системѣ, имѣвшей мѣсто четверть вѣка назадъ, когда во главѣ духовнаго управленія стоялъ графъ Д. А. Толстой.

Съ тѣхъ поръ многое, конечно, измѣнилось. Этимъ измѣненіямъ, если позволятъ обстоятельства, авторъ надѣется посвятить особый трудъ.

С.-Петербургъ,
22 сентября 1904 г.

Расколъ и сектантство

въ русской народной жизни.

Знакомясь съ результатами, достигнутыми нами въ области изученія народной жизни, народнаго быта, разбираясь въ массѣ матеріаловъ, собранныхъ нами по этимъ вопросамъ, мы не можемъ не замѣтить нѣкотораго рода узости взгляда и односторонности, съ которыми относились мы до сихъ поръ къ дѣлу изученія условій народной жизни. Пораженные видомъ народной бѣдности, періодическими голодовками, громадными цифрами недоимокъ, вынужденными переселеніями и проч. и проч., мы кинулись изучать и изслѣдовать условія экономическаго положенія народа, высчитывать крестьянскій бюджетъ, количество платежей и налоговъ, лежащихъ на мужицкой „душѣ“, количество скота, лошадей, овецъ, приходящихся на крестьянскій дворъ, изслѣдовать заработки и промыслы; позднѣе мы занялись изученіемъ поземельныхъ отношеній, состояніемъ крестьянской общины и т. д.

Все это, конечно, какъ нельзя болѣе естественно и понятно. Универсальное значеніе экономическихъ условій въ общемъ строѣ жизни каждаго отдѣльнаго народа, тѣсная зависимость этого строя отъ состоянія матеріальнаго быта — все это идеи, которыя давнымъ-давно уже стали

совершенно безспорной, избитой, азбучной истиной. А тѣмъ болѣе, когда бѣдность народа доходитъ мѣстами до нищеты, до вырожденія и вымиранія, когда цѣлыя обширныя области, считавшіяся нѣкогда „житницами имперіи“, подвергаются всѣмъ ужасамъ хроническаго голоданія, то понятно, что вопросы чисто экономическаго характера неизбѣжно пріобрѣтаютъ преобладающее значеніе и сами собою выдвигаются на первый планъ. Но дѣло въ томъ, что остановиться только на этомъ, ограничиться изученіемъ только однихъ экономическихъ вопросовъ — значило бы сдѣлать дѣло лишь наполовину. Нельзя упускать изъ виду, что, кромѣ нуждъ чисто матеріальныхъ, кромѣ запросовъ желудка, у народа существуютъ и другія потребности, неудовлетвореніе которыхъ отзывается на немъ также крайне болѣзненно и печально.

Это — потребности просыпающейся мысли, потребности чувства и сердца, жажда умственной, духовной дѣятельности. Съ другой стороны нельзя забывать и той старой, избитой истины, что всякаго рода явленія текущей жизни, въ томъ числѣ и экономическія бѣдствія, съ ихъ голодовками, нищетою, вымираніемъ и проч. — всѣ они, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣется, оставляютъ глубокіе, неизгладимые слѣды въ характерѣ народа, въ настроеніи его духа, вліяютъ на его энергію, на складъ и строй его воззрѣній, на развитіе въ немъ новыхъ вѣрованій, новыхъ ученій и т. п.

Между тѣмъ эту-то именно сторону народной жизни мы совершенно упустили изъ виду, всецѣло отдавшись изученію крестьянскаго бюджета и хозяйства. Занявшись изслѣдованіемъ вопро-

совъ о томъ: въ чемъ живетъ мужикъ, сколько онъ получаетъ, сколько проживаетъ, что онъ ѣстъ, во что одѣвается, — мы совсѣмъ забыли справиться: что онъ думаетъ? во что онъ вѣритъ и во что не вѣритъ? Каковы его надежды, взгляды, его завѣтныя думы, желанія и стремленія, какъ онъ относится къ тѣмъ или другимъ явленіямъ современной, скользящей мимо его, жизни, какъ, наконецъ, отражаются на немъ разныя событія и условія окружающей его дѣйствительности и т. д. и т. д.

Мнѣ не зачѣмъ напоминать здѣсь исторію нашего знакомства съ народомъ, такъ какъ она, безъ сомнѣнія, слишкомъ свѣжа у всѣхъ въ памяти. Всѣ помнятъ, конечно, услуги, сдѣланныя въ этомъ отношеніи нашими славянофилами, но помнятъ и ихъ ошибки, ихъ односторонность, помнятъ тѣ груды сборниковъ народныхъ пѣсенъ, былинъ, пословицъ, преданій, поговорокъ, сборниковъ, которые были единственнымъ результатомъ этого изученія; помнятъ затѣмъ „западниковъ“, сведшихъ изученіе народной жизни на изслѣдованіе экономическаго быта народа и обогатившихъ литературу рядомъ прекрасныхъ изслѣдованій о производительныхъ силахъ и средствахъ народа... Несмотря на это, духовная, религіозно-нравственная, интеллектуальная жизнь народа осталась и, нужно сказать, остается до сихъ поръ очень мало извѣстною.

Изъ всѣхъ проявленій умственной жизни русскаго народа, не имѣющихъ прямого отношенія къ экономическимъ вопросамъ, до сихъ поръ удостоился *систематическаго* изученія лишь одинъ вопросъ, это именно — народное обычное право. Благодаря иниціативѣ покойнаго Н. В. Калачова,

русское географическое общество обратило вниманіе на необходимость изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ и издало весьма подробную, прекрасно составленную программу для собиранія свѣдѣній по этому предмету. Безъ сомнѣнія, разработка этого вопроса имѣетъ большое серіозное значеніе для практической жизни, но опять-таки ясно, конечно, само-собою, что остановиться на этомъ и опочить на лаврахъ — невозможно.

Необходимо обратить серіозное вниманіе и заняться тщательнымъ изученіемъ всѣхъ другихъ сторонъ, всѣхъ другихъ проявленій духовной, интеллектуальной жизни русскаго народа. Къ числу этихъ вопросовъ мы причисляемъ вопросъ о расколѣ или сектантствѣ. Скажемъ болѣе. Этому вопросу, въ виду его особеннаго значенія, мы отводимъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ вопросовъ интеллектуальной народной жизни.

Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ необходимымъ замѣтить, что подъ словомъ *расколъ* мы разумѣемъ совокупность всѣхъ вообще религіозно-этическихъ и религіозно-бытовыхъ протестовъ и разномыслій русскаго народа. Такимъ образомъ подъ именемъ раскола мы разумѣемъ не только расколъ старообрядчества, но также и всѣ тѣ секты, которыя нашими духовными писателями называются обыкновенно „ересями“ и которыя обыкновенно выдѣляются ими изъ понятія о расколѣ [1]). Къ числу „ересей“ духовные писатели,

[1]) *Примѣчаніе цензора, іеромонаха Александра.* Слова „ересь“, „секта“ и „расколъ“ до сихъ поръ еще не получили точнаго опредѣленія въ нашей богословской наукѣ и гражданскомъ законодательствѣ. Тѣмъ не менѣе почтенный авторъ едва ли поступаетъ правильно, сближая нашихъ раскольниковъ (старо-

какъ извѣстно, относятъ, во-первыхъ, разныя мистическія секты, въ родѣ хлыстовъ, скопцовъ, и проч., и, во-вторыхъ, секты раціоналистическія, въ родѣ молоканства, духоборства, штунды и т. д.

Культурная, умственная жизнь каждаго народа начинается прежде всего въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ, наиболѣе для него близкихъ и важныхъ. Пробудившаяся мысль начинаетъ подвергать критикѣ догматы, принятые нѣкогда безсознательно и усвоенные чисто механически. Но разъ началась повѣрка религіозныхъ тезисовъ, возникла потребность въ болѣе сознательной ассимиляціи ихъ, къ нимъ, въ сознаніи народа, такъ или иначе примѣшиваются всѣ тѣ соціальныя, бытовыя тенденціи и стремленія, до пониманія которыхъ онъ успѣлъ возвыситься и которыя возникли въ немъ подъ вліяніемъ общаго строя окружающей его жизни.

Расколъ это — цѣлый религіозно-бытовой культъ, выработанный и созданный историческимъ процессомъ русской народной жизни. Въ немъ самымъ поразительнымъ образомъ перемѣшиваются идеи и стремленія чисто религіозныя съ вопросами и стремленіями чисто бытового, соціальнаго склада и характера, такъ что весьма часто бываетъ почти невозможно опредѣлить: гдѣ кончаются первыя и гдѣ начинаются вторые. При этомъ въ однѣхъ сектахъ беретъ перевѣсъ

обрядцевъ) съ сектантами. Если и можно находить какое-либо сходство между нашими расколомъ и сектантствомъ, то исключительно общаго, формальнаго оттѣнка. Расколъ и сектантство суть уклоненія отъ православія, проявленія религіознаго разномыслія... Вотъ принципъ, можетъ-быть, единственный для чисто-внѣшняго, формальнаго сближенія между раскольниками и сектантами. Наоборотъ, чѣмъ глубже приходится изучать раскольниковъ и сектантовъ съ внутренней стороны, тѣмъ отчетливѣе и яснѣе открывается великое различіе между ними.

элементъ религіозный, въ другихъ — соціально-общественный; тѣмъ не менѣе присутствіе каждаго изъ обоихъ элементовъ неизбѣжно въ ученіи любой секты. Такъ было прежде, такъ и теперь, и только крайняя умственная близорукость можетъ утверждать, что наше современное сектантство представляетъ собою явленіе исключительно религіозное, чуждое всякихъ общественныхъ и бытовыхъ мотивовъ и стремленій.

Причины, обусловливающія развитіе сектантства, слишкомъ широко захватываютъ народную жизнь и коренятся и кроются въ ней гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ объ этомъ. Отсюда понятно, почему вопросъ о расколѣ неразрывно связывается не только съ вопросами, касающимися церкви, духовенства и школы, но также и со всѣми тѣми вопросами нашего общественнаго быта, которые относятся до правового и экономическаго положенія народа — всѣ эти вопросы находятся въ прямой и тѣсной связи съ условіями, способствующими развитію сектантства, и отъ того или другого практическаго разрѣшенія ихъ будетъ прямо зависѣть усиленіе или ослабленіе раскола.

Къ сожалѣнію, мысль эта до сихъ поръ еще не усвоена громаднымъ большинствомъ нашего образованнаго общества. Для многихъ, напримѣръ, можетъ показаться даже въ высшей степени странною мысль о томъ, что развитіе сектантства находится въ близкой и тѣсной зависимости отъ существованія въ народной жизни такихъ учрежденій, какъ паспортная система, подушная подать и т. п. А между тѣмъ идея эта безспорно вѣрна. Чрезвычайная разнородность основныхъ элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ

расколъ, является главною причиною, почему вопросъ о сектантствѣ не можетъ быть обсуждаемъ отдѣльно, самъ по себѣ, безъ отношенія его къ другимъ наиболѣе важнымъ и давно наболѣвшимъ вопросамъ нашей общественной жизни.

I.

Исканія правды.

„Въ расколѣ, — говоритъ Щаповъ, — преимущественно проявилась своеобразная жизнь массы народа, жизнь религіозная и гражданская, жизнь умственная и нравственная“ [1]).

„Кто хочетъ изучать характерныя черты великороссовъ, тотъ долженъ изучать ихъ у старовѣровъ“, говоритъ баронъ Гакстгаузенъ [2]).

„Расколъ, — говоритъ Н. И. Костомаровъ, — составляетъ крупное явленіе народнаго умственнаго прогресса“... По его словамъ, „въ нашей исторіи расколъ былъ едва ли не единственнымъ явленіемъ, когда русскій народъ не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ цѣлыхъ массахъ, безъ руководства и побужденія со стороны власти или лицъ, стоящихъ на степени высшей по образованію, показалъ своеобразную дѣятельность въ области мысли и убѣжденія“ [3]).

Подъ вліяніемъ раскола складывается и развивается семейная домашняя жизнь многомилліонной массы сектантскаго населенія; подъ его вліяніемъ устанавливаются и регулируются взаимныя отношенія членовъ семьи между собою,

---

[1]) „Русскій расколъ старообрядчества“. Соч. Щапова. Казань. 1859 г.

[2]) „Изслѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни“ и т. д. Москва. 1870 г.

[3]) „Исторія раскола у раскольниковъ“, „Вѣстникъ Европы“ 1871 г. № 4.

привычки, взгляды, наклонности, вѣрованія. Расколъ обусловливаетъ и взаимныя отношенія своихъ приверженцевъ, какъ членовъ извѣстнаго общества, и всѣ наблюдатели народнаго быта указываютъ на замѣчательную солидарность, которая проявляется въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и которой такъ часто недостаетъ въ кругу ихъ православныхъ собратьевъ. Наконецъ, расколъ оказываетъ вліяніе и на матеріальное состояніе своихъ послѣдователей, чему наглядным доказательствомъ можетъ служить общеизвѣстный фактъ ихъ гораздо бо́льшаго экономическаго благосостоянія.

„Расколъ расшевелилъ спавшій мозгъ русскаго человѣка“, говоритъ Н. И. Костомаровъ. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что народная мысль проснулась и ищетъ выхода, ищетъ удовлетворенія. Страстно, порывисто рвется она изъ вѣкового мрака и умственной неподвижности къ свѣту, свободѣ и простору. Эти порыванія мысли, какъ увидимъ далѣе, весьма ярко отражаются въ нашемъ сектантствѣ.

Правда, скудны и бѣдны, бѣдны до крайности наши свѣдѣнія обо всемъ, что касается до сферы „народной мысли“. Оторванные отъ народа, прикованные къ своимъ кабинетамъ, канцеляріямъ, библіотекамъ, конторамъ, архивамъ, мы лишены возможности непосредственно слѣдить за проявленіями и движеніями коллективной мысли народной массы. Объ этомъ мы судимъ лишь по тѣмъ отрывочнымъ, случайнымъ свѣдѣніямъ и извѣстіямъ, которыя появляются по временамъ въ нашей печати.

Кто, читая газеты, не усвоилъ себѣ похвальной привчки „пропускать мимо“ извѣстія, иду-

щія изъ „нутра Россіи“, изъ уѣздныхъ захолустьевъ, изъ селъ и деревень, съ фабрикъ и заводовъ, тотъ, навѣрное, не разъ задумывался надъ сообщеніями о появленіи различныхъ новыхъ сектъ то въ той, то въ другой мѣстности. И трудно не задуматься. Передъ нашими глазами, въ глубинѣ народной массы, происходитъ нѣчто необычайное, нѣчто загадочное, и вмѣстѣ глубоко знаменательное, къ чему, однако, никто, повидимому, не считаетъ нужнымъ отнестись душевно, искренно, съ серіознымъ чувствомъ и съ горячимъ желаніемъ помочь дѣлу.

Мы видимъ, какъ всюду непрерывно возникаютъ все новые и новые секты, толки и ученія. Въ этихъ ученіяхъ, на ряду съ различными странными, смѣшными и нелѣпыми выводами, порожденными вѣковымъ невѣжествомъ и гнетомъ, вы то и дѣло встрѣчаете чистыя, гуманныя, высокія идеи, которыя невольно приковываютъ къ себѣ все ваше сочувствіе, всѣ ваши симпатіи. Впечатлѣніе это усиливается еще болѣе при мысли, что до этихъ идей додумывались не ученые богословы и не философы, прошедшіе университетскіе и академическіе курсы, а какіенибудь „темные“, „сѣрые люди“, исконные обыватели селъ, деревень и заводовъ, въ родѣ какого-нибудь Семена Матвѣева Уклеина или Михаила Акинфіева Попова и т. п.

Мы не будемъ говорить здѣсь о первоначальныхъ причинахъ, вызвавшихъ расколъ въ нашей жизни, такъ какъ вопросъ этотъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія. Извѣстно, что „политико-религіозныя партіи въ Россіи появляются одновременно съ отмѣною земскихъ народныхъ правъ, начавшеюся при Димитріи Дон-

скомъ. Собственно же расколъ совпадаетъ, по своему появленію, съ полною отмѣною земскихъ правъ, завершенною окончательнымъ закрѣпленіемъ крестьянъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ“ [1]). Расколъ въ своемъ происхожденіи въ значительной степени является протестомъ народа противъ поглощенія его правъ центральною властью [2]). При самомъ рожденіи своемъ онъ заявилъ, что и церковь и правительство должны быть народныя, должны не вводить новыхъ обычаевъ, не требуемыхъ народомъ, и когда онъ былъ проклятъ соборомъ и казненъ въ лицѣ Никиты, Аввакума, стрѣльцовъ и соловецкихъ бунтовщиковъ, — онъ, въ свою очередь, проклялъ власть, правительство, съ его духовенствомъ, съ его „казенной церковью“, ушелъ въ скиты и сталъ проповѣдывать ненависть къ ненароднымъ началамъ“ [3]).

„Всѣ бунты донскихъ казаковъ въ концѣ XVII вѣка были вмѣстѣ и бунтами раскольниковъ. Съ Дона буйные казаки-раскольники откликались на мятежный зовъ поморскихъ раскольниковъ и шли возмущать соловецкихъ монаховъ противъ правительства“ [4]). „Воры-сотники съ товарищи,— чи-

---

[1]) Андреевъ: „Расколъ и его значеніе въ народной жизни“.

[2]) *Примѣчаніе цензора, іеромонаха Александра.* Почтенный авторъ видитъ въ возникновеніи раскола политическій мотивъ, — протестъ народа противъ правительственной централизаціи. Однако съ такимъ взглядомъ трудно согласиться. Расколъ возникъ по поводу явленія *церковной*, а не государственной жизни (по поводу предпринятаго п. Никономъ исправленія богослужебныхъ обрядовъ). Расколъ живетъ всецѣло религіозными и церковными интересами (хотя и ложно понимаемыми), а не политическими. Иное дѣло сектантство. О нѣкоторыхъ сектахъ (напр. штундизмѣ, іеговистахъ и проч.) уже вполнѣ установлено присутствіе въ ихъ ученіяхъ явныхъ соціалистическихъ тенденцій.

[3]) „Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ“. Выпускъ I.

[4]) Щаповъ: „Расколъ старообрядчества“. Казань. 1859 г.

таемъ въ дѣлѣ о соловецкомъ бунтѣ, — про великаго государя говорили такія слова, что не только написать, но и помыслить страшно“ [1]).

„Стрѣльцы, не хотѣвшіе разстаться съ своимъ старымъ полугражданскимъ бытомъ, стали подъ знамя Никиты Пустосвята также не изъ-за сугубой аллилуіи и не за двуперстный крестъ: „Се явно, — говоритъ п. Іоакимъ, — что ради возмущенія противъ государя сія сотвориша“. При Петрѣ Великомъ раскольники неоднократно подкидывали пасквили и памфлеты противъ монархической власти Петра. Такія же точно подметныя письма появлялись и послѣ смерти Петра.

Народъ оттолкнулъ нововведенія, которыя навязывала ему власть, потому что они ничего не давали ему, кромѣ страшнаго гнета, непосильныхъ податей, подушныхъ записей, „даней многихъ“, „даней тяжкихъ“, солдатчины, рекрутства [2]), паспортовъ и т. п. Всѣ эти нововведенія и реформы, начатыя Никономъ и законченныя Петромъ, кореннымъ образомъ нарушили тѣ отношенія, какія издавна существовали между народомъ и Церковью, между прихожанами и священникомъ. Дѣло въ томъ, что прихожане церкви на Руси издавна привыкли видѣть въ своемъ священникѣ выборнаго, излюбленнаго человѣка.

Въ концѣ XIV столѣтія міряне судили своихъ священниковъ даже въ церковныхъ дѣлахъ. Прихожане ставили такого священника, „какой имъ былъ больше по душѣ“. „При выборѣ священника общиною писался „излюбъ“. Это была избирательная грамота, подъ которою подписывались

[1]) „Акты историческіе“. Томъ IV, 533.

[2]) При Петрѣ I-мъ всѣхъ рекрутскихъ наборовъ мѣстныхъ и общихъ было до *сорока*.

избиравшіе священника. Кромѣ того, извѣстно, что въ домосковскую старину Новгородъ обходился иногда въ своихъ церковныхъ дѣлахъ безъ благословенія іерархическихъ властей. Новгородскіе владыки, Арсеній и Ѳеодосій, не были вовсе посвящены высшею церковною властью: народный выборъ, очевидно, значилъ болѣе въ глазахъ новгородцевъ, чѣмъ митрополитское или патріаршее посвященіе. Даже еще въ началѣ XVII в. въ средней Россіи выбирали священниковъ; въ Псковѣ же и по сосѣдству съ нимъ еще въ 1685 году 160 церквей были въ рукахъ крестьянъ, не признававшихъ архіереевъ и отдававшихъ церкви священникамъ, кто меньше возьметъ руги (годового содержанія). На церковь прихожане смотрѣли въ старину, какъ на свою собственность“ [1]).

Въ этотъ же періодъ, и даже позднѣе, жители поморья часто обходились вовсе безъ священника. Такъ, профессоръ Н. И. Барсовъ говоритъ, что, не имѣя возможности часто посѣщать свою приходскую церковь, за отдаленностью ея, жители поморскаго края ограничивалась тѣмъ, что устраивали часовни, въ которыхъ всѣ службы, кромѣ литургіи, совершалъ кто-либо изъ простолюдиновъ. Такимъ образомъ въ сѣверномъ поморьѣ жители-міряне легко привыкли къ участію въ дѣлахъ церковныхъ; вопросы и дѣла церковные стали считать дѣломъ столько же мірскимъ, земскимъ, сколько и духовнымъ. Частныя сельскія общины, напримѣръ, въ смутную эпоху, по согласію своихъ земскихъ совѣтовъ, дѣлали для себя извѣстныя распоряженія, устанавливали религіозныя заповѣди и узаконенія. Когда затѣмъ постановленіями

[1]) Андреевъ: „Расколъ и его значеніе“. Стр. 93—95 и 135—136.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук

церковной власти прежнее поставленіе поповъ изъ земскихъ людей, крестьянъ и даже рабовъ признано преступленіемъ, изданы строгіе указы о ставленникахъ, тогда духовенство начало терять нравственную силу и вліяніе на земство въ поморскомъ краѣ, а земство стало обособляться отъ духовенства и Церкви, стало больше предаваться вліянію своихъ „грамотниковъ, чѣмъ поповъ“, законнопоставленныхъ [1]).

Всѣ реформы, измѣнившія древне-русскіе народные порядки, произошли около времени Никона, и онъ особенно способствовалъ этой перемѣнѣ, такъ что „приходъ становится со времени Никона чѣмъ-то въ родѣ духовно-правительственнаго участка“ [2]).

Съ этого момента порывается связь, существовавшая между народомъ и Церковью, возникаетъ рознь между народомъ и духовенствомъ,— рознь, которая съ теченіемъ времени все растетъ, все усиливается. Народъ начинаетъ считать православіе „казенною вѣрой“ и массами уходитъ въ расколъ.

— Ваша православная вѣра,—говорилъ одинъ безпоповецъ И. С. Аксакову, изучавшему расколъ въ Ярославской губерніи, — есть вѣра казенная, гражданская, не на живомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная, а служащая однимъ изъ орудій правительству для поддержанія порядка [3]). . . . .

. . . . . .

Выборное начало легло въ основу большей части учрежденій, существующихъ въ средѣ раскольниковъ. Разныя духовныя лица, въ родѣ начетчиковъ, наставниковъ, поповъ, „старшихъ

---

[1]) Н. Барсовъ: „Братья Андрей и Семенъ Денисовы“.
[2]) Андреевъ: „Расколъ и его значеніе“. Стр. 96.
[3]) „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 4. Стр. 633.

братьевъ“ и т. п., всегда и неизмѣнно выбираются у нихъ общиною. Одинъ изъ главныхъ доводовъ, приводимыхъ старообрядцами противъ православныхъ священниковъ, заключается въ томъ, что эти послѣдніе не избираются своимъ приходомъ, значаются свыше, помимо всякаго участія при нъ. „Ставленники!“ — говорятъ они съ презрѣ о православныхъ священникахъ. — Нынѣ-то говорилъ шенкурскій крестьянинъ Василій китинъ (безпоповецъ), — пошло такое время, ч архіереи посылаютъ поповъ, какихъ вздумают не разбирая, хорошъ или нѣтъ для мірянъ. А въ прежнее-то время, какъ поскажутъ старики, — по повъ-то выбирали сами міряне, также и архіереевъ. Поэтому и мы теперь общимъ голосомъ тоже выберемъ себѣ какого ли получше старика, который креститъ и каетъ не хуже иного попа[1]) . . . . . .

. . . . . .

Кромѣ массы лицъ, окончательно порвавшихъ всякую связь съ господствующею Церковью и ушедшихъ въ расколъ, повсюду можно встрѣтить множество людей, не вступившихъ еще ни въ какую особенную секту, но въ то же время вполнѣ равнодушныхъ къ церкви. Они не ходятъ въ церковь, не причащаются, и только изрѣдка исповѣдываются, чтобы быть записанными по духовнымъ росписямъ бывающими у исповѣди. „Въ 14 приходахъ 1-го стана Ярославскаго уѣзда, изъ 17.930 прихожанъ, бывающихъ у причастія только 4.300 человѣкъ[2]).

---

[1]) „Архангельскія Губерн. Вѣдомости“ 1868 г., № 103. „Журналъ собесѣдованій съ раскольниками“.

[2]) „Сборникъ правител. свѣд. о раскольн.“, записка гр. Стенбока.

„Во многихъ селеніяхъ, — говоритъ чиновникъ-изслѣдователь Арнольди, — видно совершенное равнодушіе къ вѣрѣ. Въ приходѣ села Коробова, Костромского уѣзда, числится 1.320 душъ, изъ которыхъ, по словамъ священника, можно подозрѣвать въ расколѣ не болѣе 10 человѣкъ; между тѣмъ въ праздникъ Покрова Богородицы у обѣдни было только три лица изъ всего прихода". То же и во многихъ другихъ приходахъ. „Въ приходѣ села Сельца 684 души, изъ нихъ не бываетъ на исповѣди 523 д., кромѣ раскольниковъ. Въ приходѣ села Самети изъ 1.948 душъ не бываетъ у исповѣди до 1.400 д. Подобная пропорція относится почти ко всей губерніи. Въ приходѣ села Уреня числится 5.662 д.; между тѣмъ въ большіе праздники въ церкви бываетъ не болѣе 4 или 5 человѣкъ[1]). Въ Кологривскомъ уѣздѣ,— говоритъ другой официальный изслѣдователь, Брянчаниновъ,— нѣтъ раскола, но народъ равнодушенъ къ вѣрѣ (официальной), и церкви большею частію бываютъ пусты"[2]). „Когда при производствѣ слѣдствія въ Ярославскомъ уѣздѣ, Красносельскомъ приходѣ, — сообщаетъ графъ Стенбокъ, — я былъ удивленъ, что крестьяне, называя себя православными, уклоняются отъ причастія и недоумѣвалъ какія тому причины, то одинъ изъ тайныхъ раскольниковъ, крестьянинъ деревни Кетова, Яковъ Батыевъ, объяснилъ мнѣ откровенно, что это все *„колеблющіеся"*, *изъ которыхъ съ каждымъ годомъ многіе переходятъ въ какую-нибудь раскольническую секту"*. На вопросъ мой: отчего же происходитъ это равнодушіе? Онъ чистосердечно отвѣчалъ:

---

[1]) Idem, выпускъ II, стр. 19.
[2]) Изъ дневника надв. сов. Брянчанинова. Сборн. Кельсіева. Вып. II.

— Оттого, что попы стали всѣмъ ужъ черезчуръ не любы [1]).

Среди сельскихъ пастырей встрѣчаются свѣтлыя личности, съ терпѣніемъ несущія крестъ своего пастырскаго служенія, но нерѣдко приходится наблюдать и прискорбныя явленія въ жизни сельскихъ священниковъ...

О слабыхъ сторонахъ и недостаткахъ нашего сельскаго духовенства довольно много писалось въ нашей литературѣ, поэтому мы не будемъ распространяться здѣсь на эту тему. Замѣтимъ только, что факты крайне ненормальныхъ отношеній между народомъ и духовенствомъ не могутъ быть оставлены безъ вниманія. Въ народѣ живетъ и держится цѣлая масса разнаго рода пословицъ и поговорокъ, отчетливо характеризующихъ эти отношенія. „Поповскіе глаза завидущи, поповскія руки загребущи“, „попъ деретъ съ живого и съ мертваго“ [2]). „Попъ, что ни говоритъ, а все въ карманъ глядитъ“ [3]), и т. д. до безконечности.

Итакъ, духовенство не всегда удовлетворяетъ народъ. Не удовлетворяетъ его и наша такъ называемая народная школа. Прежде, 20—30 лѣтъ тому назадъ, у насъ почти не существовало ни народной школы, ни народныхъ учителей. Затѣмъ, хотя и появились и школы и учителя, но.... кому неизвѣстно, что это были за школы, что это были за учителя! Послѣдніе являлись какими-то общественными паріями, какими-то жалкими, безправными, униженными существами, подавленными безчисленнымъ множествомъ всевозможнаго на-

---

[1]) Записка гр. Стенбока. Сборн. Кельсіева.
[2]) „Русскій Архивъ“, 1866 г. № 4.
[3]) „Истина“. 1880 г., май—іюнь.

чальства, наблюдающаго, контролирующаго, надзирающаго и проч., и проч. Преподаваніе было стиснуто въ сухую, сдавленную въ узкія казенныя рамки программу. Всякое уклоненіе отъ этой программы, каждая попытка расширить ее обыкновенно перетолковывалась въ смыслѣ неблагопріятномъ для учителя, для его „благонадежности“, и почти всегда навлекала на него серіозныя непріятности. Надзирающія начальства заботились только объ охраненіи какой-то чисто внѣшней, фиктивной и ложной благонамѣренности. При посѣщеніи школъ, они прежде всего спѣшили сдѣлать обыскъ училища: съ извѣстнымъ, пресловутымъ „спискомъ книгъ, допущенныхъ для употребленія въ народныхъ училищахъ“ въ рукахъ, они перерывали жалкія, тощія школьныя библіотечки, при чемъ всякую книжку, не значущуюся въ „спискѣ“, какъ бы ни была она невинна сама по себѣ, — ожидало немедленное „изъятіе“.

При такихъ условіяхъ положеніе учителя народной школы являлось настолько неустойчивымъ, что не только какой-нибудь исправникъ или становой, но даже любой волостной писарь, любой урядникъ могъ легко добиться смѣщенія того или другого учителя или учительницы, которые почему-нибудь не нравились его особѣ. Достаточно было анонимнаго доноса, построеннаго по извѣстному, излюбленному шаблону, чтобы навлечь на учителя серіозное подозрѣніе, придирки, притѣсненія, а нерѣдко и предложеніе подать въ отставку „по прошенію“. Можно ли удивляться послѣ этого, что люди развитые, проникнутые горячимъ желаніемъ помочь народу въ дѣлѣ его развитія и образованія, мирившіеся во имя этой цѣли съ тяжелымъ и труднымъ положеніемъ учителя на-

родной школы, мало-по-малу принуждены были совсѣмъ отказаться отъ этого поприща. И вотъ въ народные учителя пошла бездарность, ограниченность, „убоявшаяся бездны премудрости“, пошли люди, оказавшіеся не годными ни на какомъ другомъ поприщѣ... Можно ли удивляться послѣ этого, что народъ отвертывался отъ школы, точно такъ же какъ отвернулся онъ отъ церкви. И тамъ, и здѣсь онъ видѣлъ лишь мундиръ, схоластику и педантизмъ.... А въ немъ говоритъ кровь, въ немъ сердце говоритъ. Душа его о чемъ-то болѣетъ, о чемъ-то проситъ. Ему хочется быть хорошимъ человѣкомъ, хочется видѣть вокругъ себя довольныхъ, счастливыхъ людей; его тянетъ къ писанію.

Въ вѣчныхъ поискахъ за „правой вѣрою“, за духовной, умственной пищею, народная мысль мечется изъ стороны въ сторону, нерѣдко попадая изъ одной крайности въ другую... Прислушайтесь къ сектантскимъ „стихамъ“ или пѣснямъ, и вы поймете эту тоску, эту жажду, это томленіе о духовной дѣятельности. Вотъ, напримѣръ, что поютъ безпоповцы:

„Душа пищи своей дожидается,
Душѣ надо жажду утолити,
Потщися душу свою гладну не оставити“...

Еще сильнѣе, еще замѣтнѣе бьетъ эта жилка въ ученіи такъ называемыхъ „духовныхъ христіанъ“. Вотъ эта-то неудовлетворенная, страстная жажда духовной умственной дѣятельности, жажда нравственныхъ, человѣческихъ впечатлѣній толкаетъ народъ въ расколъ и заставляетъ его создавать новыя ученія, секты и толки. Отсюда намъ будетъ понятно, почему въ расколъ идутъ люди наиболѣе одаренные духовными талантами, наиболѣе способные и даровитые.

Кстати припомнимъ, что почти всѣ наши дѣятели, вышедшіе изъ народной крестьянской среды и снискавшіе себѣ историческую извѣстность, нерѣдко принадлежали сначала къ расколу. Такъ было съ геніальнымъ „архангельскимъ мужикомъ“ Ломоносовымъ, то же было съ Посошковымъ и многими другими менѣе извѣстными.

Такъ было прежде, такъ и теперь. Сектантство представляетъ собою обширное поле для свободной умственной дѣятельности, и потому тѣ личности изъ народа, которыя жаждутъ приложить свои силы къ трудамъ умственнымъ и къ которымъ можно примѣнить слова поэта:

„Духовной жаждою томимы“ —

обыкновенно идутъ въ расколъ. Здѣсь они находятъ цѣлыя общества людей начитанныхъ, посвоему развитыхъ, обширныя библіотеки, читателей, издателей, переписчиковъ, собесѣдованія и разныя пособія для свободнаго общенія мысли и слова.

Религіозная и умственная неудовлетворенность заставляетъ народъ чутко прислушиваться ко всему, что, по его мнѣнію, такъ или иначе, можетъ помочь ему въ его вѣчныхъ исканіяхъ „правой вѣры“, въ его постоянныхъ заботахъ о „спасеніи души“. Вотъ онъ идетъ къ штундистамъ и, терпѣливо просиживая цѣлыя ночи, жадно слушаетъ ихъ рѣчи. Попадаетъ онъ и къ хлыстамъ, и прыгунамъ, и здѣсь, на ихъ бѣшеныхъ радѣніяхъ, подъ вліяніемъ якобы нисшедшихъ духовъ, ломается и кружится до потери сознанія, до изступленія, до общаго хроническаго разстройства организма. Петербургскій рабочій людъ прослышалъ, что гдѣ-то на Гагаринской набережной не то „генералъ“, не то какой-то новый пророкъ тол-

куетъ о вѣрѣ, говоритъ о спасеніи души, самъ споритъ, доказываетъ,—и вотъ толпы сѣраго люда робко подходятъ къ квартирамъ, въ которыхъ происходятъ чтенія (на Петербургской сторонѣ, на Пескахъ и проч.), внимательно слушаютъ они эти туманныя, фразистыя проповѣди, напряженно вдумываются въ каждое слово ихъ и нерѣдко предлагаютъ проповѣднику такіе вопросы, которые несомнѣнно обличаютъ серіозную работу мысли.

Просыпается мысль человѣка, и вотъ, мало-помалу, различные вопросы начинаютъ шевелиться, начинаютъ подниматься въ его мозгу, требуя рѣшенія, примиренія. Является способность къ анализу, способность къ критикѣ. Исходной точкой служитъ, разумѣется, священное писаніе. Библія и Евангеліе говорятъ одно, а жизнь... А въ жизни кругомъ, вездѣ и повсюду, на каждомъ шагу столько грѣха, обидъ, прижимки, неправды.

Можно привести множество фактовъ, несомнѣнно доказывающихъ, что какъ этотъ разладъ, такъ и вообще разныя темныя стороны нашей гражданской, общественной жизни чувствуются и сознаются сектантами весьма ясно и опредѣленно. Да и можетъ ли быть иначе? Кому, какъ не имъ, больше всего доставалось (достается и теперь, хотя, конечно, не въ такой силѣ) отъ насилій и произвола мѣстныхъ властей? Развѣ они не на собственной шкурѣ вынесли всѣ тѣ безчисленныя преслѣдованія, поборы, взятки, придирки и всякаго рода насилія, которыя такъ долго практиковались мѣстными властями надъ сектантами?

Въ раскольнической литературѣ есть въ высшей степени интересный документъ, это — сатирическая просьба на разныхъ мѣстныхъ властей, на ихъ несправедливости и насилія. Къ сожалѣ-

нію, документъ этотъ сохранился лишь въ видѣ отрывка. Вотъ онъ:

„Всепресвѣтлѣйшій и милостивый Творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ.
Просимъ мы слезно, нижайшія твари,
Однодворцы и экономическіе крестьяне,
О чемъ, тому слѣдуютъ пункты:
1) Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда не раздѣлены были мы на волости;
И всякому крестьянину была свобода,
Когда управлялъ нами воевода,
Тогда съ каждаго жила
По копейки съ души выходило.
2) А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту,
По наукѣ ихъ, головы и сотскіе — воры,
Поминутно дѣлаютъ поборы,
Поступаютъ съ нами безчеловѣчно,
Чего не слыхать было вѣчно.
Прежде тиранили, ненавидя Христовой вѣры.
А сіи мучатъ, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибытки и доходы
Потребляютъ земскому суду на расходы.
3) Суди насъ, Владыко, по человѣчеству,
Какіе же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что нечѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники и разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица,
А не съѣдимъ въ Христовъ день куринаго яйца;
Ядимъ мякину, обще съ лошадьми...
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать красна
Исправнику, секретарю и приказнымъ,
Чтобъ не быть бабамъ нашимъ праздными;
Съ каждаго домишку
Берутъ по полпуду льнишку,
И сверхъ того для своей чести
Собираютъ по полфунту овечьей шерсти;
Даже со двора по мотку нитокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
И какъ они выѣзжаютъ,

То плутъ — десятскій съ сотскимъ изъ дому всѣхъ
выгоняютъ,
А тѣхъ только оставляютъ, которыя помоложе.
Да ужъ и говорить о томъ непригоже!
Пріѣзды ихъ весьма для насъ обидные,
Тебѣ, Владыко нашъ, Самому очень видные!
Просимъ мы тебя слезно, простирая руки,—
Какъ нынѣ страждутъ адамовы внуки,
Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда—
Избавь насъ, Господи, отъ земскаго суда!“ [1])

Въ духовныхъ стихахъ безпоповцевъ встрѣчаются рѣзко выраженные взгляды этихъ сектантовъ на разные недостатки нашего гражданскаго порядка вещей, на разныя темныя стороны нашего соціально-общественнаго строя.

„Пришли времена лютыя,
Пришли годы тяжкіе.
Не стало вѣры истинныя,
. . . . . .
Погибла вѣра христіанская;
Стали у насъ суди неправедные,
Пастыри при церквахъ запоицы и піяницы,
Отягощали люди даньми тяжкими“...[2])

Или вотъ, напримѣръ, „стихъ“, записанный П. С. Аксаковымъ, при изученіи имъ секты бѣгуновъ въ Ярославской губерніи.

„Не могу пребыть безъ рыданія!
До конца тлѣетъ благочестіе;
Процвѣтаетъ нынѣ все нечестіе;
Духовный законъ съ коренія ссѣченъ,
Чинъ священническъ сребромъ весь плѣненъ,
Законъ градской въ конецъ истребленъ.
Въ мѣсто законовъ водворилось беззаконіе,

[1]) „Православный Собесѣдникъ“. Статья Вескинскаго: „Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ“.
[2]) Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Изд. Кожанчикова. С.-Петерб. 1860 года.

Лихоимцы вси грады содержатъ,
Немилосердые въ градахъ первые,
На мѣстахъ злые приставники!
Духъ антихристовъ возвѣя на насъ...
Не могу пребыть безъ рыданія!..." [1])

Какая мрачная картина! Но кто скажетъ, что она невѣрно или утрированно изображаетъ собою порядки той тяжелой эпохи, конецъ которой положили реформы императора Александра II-го?.. Но какъ ни велики *по идеѣ* эти реформы, тѣмъ не менѣе — по весьма многимъ причинамъ — онѣ не могли, разумѣется, вырвать съ корнемъ изъ нашей жизни все то зло, что вѣками накопилось въ ней. „Дѣло вѣковъ исправлять не легко!".. И хотя давно сложилась приведенная нами пѣсня, но она и до сихъ поръ съ любовію поется сектантами, особенно въ далекихъ, глухихъ мѣстахъ нашей родины, гдѣ особенно сильны и крѣпки старые порядки, съ ихъ произволомъ мѣстныхъ властей,—произволомъ, который особенно тяжело ложится на сектантское населеніе.

Въ одной изъ прежнихъ статей [2]) нами довольно подробно были выяснены главныя причины тяжелаго положенія сектантовъ. Эти причины заключаются, во-первыхъ, въ отсутствіи гласнаго и точнаго закона, который бы обезпечивалъ ихъ спокойное существованіе, гарантируя ихъ частную, интимную жизнь отъ посторонннихъ вторженій и посягательствъ, и, во-вторыхъ, въ крайней неопредѣленности нашего законодательства о сектантахъ, въ особенности же по вопросу о подраздѣленіи сектъ на болѣе и менѣе вредныя. Благодаря этой неопредѣленности, мѣстная администра-

[1]) „Русскій Архивъ" 1866 г. № 4.
[2]) „Голосъ" 1880 г. № 86. 1879, № 328.

ція имѣетъ полную возможность послѣдователей любой секты причислить къ особенно вреднымъ и сообразно этому направить свои дѣйствія.

Послѣдствія такого порядка вещей достаточно извѣстны. О нихъ много говорилось въ нашей печати, и потому — нужно ли еще разъ напоминать объ этомъ?.. Запечатанныя часовни, разоренные скиты, разогнанные по лицу земли скитники и скитницы, — дряхлые, бездомные старики и старухи,—постоянные, непрерывные набѣги на дома сектантовъ, обыски, аресты старинныхъ книгъ и иконъ, безконечный рядъ процессовъ со множествомъ лицъ, обвиненныхъ въ разныхъ „совращеніяхъ“, тюремныя заключенія за постройку часовни, за отпечатаніе невиннѣйшей старинной рукописи, какой-нибудь Четьи-Минеи, лишенія правъ, ссылки, безконечныя этапныя скитанія, конвои, кандалы, пожизненныя монастырскія заточенія — вотъ эти послѣдствія.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и теперь среди сектантовъ продолжаютъ появляться стихи, подобные только что приведеннымъ нами. На сѣверѣ, напримѣръ, пользуется теперь большою популярностью среди старообрядцевъ-безпоповцевъ слѣдующій стихъ, очевидно недавняго происхожденія.

„Грѣхъ скончался (т.-е. нынѣ уже ничто не считается за грѣхъ), правда, какъ свѣчка, сгорѣла, искренность спряталась, правосудіе въ бѣгахъ, добродѣтель ходитъ по міру, истина погребена въ развалинахъ неправды, вѣра въ Іерусалимѣ, надежда съ якоремъ на днѣ въ морѣ, честность вышла въ отставку, вѣрность на вѣсахъ у аптекарей, кротость въ дракѣ и на съѣзжей, законъ у сенаторовъ на пуговицахъ... терпѣніе хочетъ лопнуть!“

Стихъ этотъ носитъ названіе: „Истинный духъ нынѣшняго времени“; онъ съ буквальною точностью записанъ нами въ деревнѣ Царево-Лявленской волости, Архангельскаго уѣзда, со словъ крестьянина Василія Тимофеевича Карбасникова, считавшагося въ теченіе долгаго времени однимъ изъ главныхъ начетчиковъ въ средѣ архангельскихъ старообрядцевъ-безпоповцевъ. Ему было около 80 лѣтъ, когда я видѣлъ его въ 1879 году— дряхлымъ, слѣпымъ старикомъ [1]).

Стихъ этотъ, повторяемъ, безъ сомнѣнія недавняго происхожденія, но какъ много общаго замѣчается въ немъ съ приведеннымъ выше стихомъ прежняго, дореформеннаго времени.

Та же скорбь объ отсутствіи правды въ жизни, тѣ же горькія жалобы на беззаконіе властей, на отсутствіе правосудія, кротости и честности въ правящихъ классахъ, та же мрачная безнадежность въ будущемъ.

Только послѣдняя фраза въ этомъ новомъ стихѣ звучитъ какимъ-то новымъ особеннымъ чувствомъ: что-то въ родѣ вынужденной угрозы слышится въ заключительныхъ словахъ стиха: „Терпѣніе хочетъ лопнуть!“ . . . . . .

. . . . . .

---

[1]) Извѣстный писатель разсказовъ и очерковъ изъ народнаго быта, Н. Н. Златовратскій, передавалъ намъ, что этотъ же самый „стихъ“ былъ найденъ имъ въ Москвѣ, у одного изъ мѣстныхъ старообрядцевъ. Написанный на полулистѣ бумаги, стихъ этотъ былъ вдѣланъ въ рамку за стекломъ и висѣлъ на стѣнѣ. Отсюда можно заключить, что распространеніе этого стиха не ограничивается однимъ сѣверомъ.

II.

Соціальные элементы въ расколѣ.

При самомъ появленіи раскола власть захотѣла покончить съ нимъ крутыми, суровыми мѣрами. И вотъ, кровь полилась рѣкой. Всѣ первые вожаки и предводители раскола умерли на плахѣ, сгорѣли въ срубахъ, исчахли въ заточеніяхъ. Безпощадныя пытки, безчисленныя, мучительныя казни слѣдуютъ длиннымъ, безпрерывнымъ рядомъ. Раскольниковъ ссылали, заточали въ тюрьмы, казематы и монастыри, „пытали и жгли огнемъ накрѣпко“, сѣкли плетьми „нещадно“, рвали ноздри, вырѣзывали языки, рубили головы на плахахъ, клещами ломали ребра, кидали въ деревянныя клѣтки и, заваливъ тамъ соломою, сожигали, голыхъ обливали холодною водой и замораживали, вѣшали, сажали на колъ, четвертовали, выматывали жилы... словомъ, все, что только могло изобрѣсти человѣческое звѣрство для устрашенія, паники и террора, — все было пущено въ ходъ.

Населеніе, исповѣдывавшее „старую правую“ вѣру, пришло въ ужасъ. Въ отчаяніи, оно объявило власть антихристіанскою, антихристовою. Оно перестало молиться за нее.

„Безпоповщина, — говоритъ Липранди, — воспрещаетъ въ большей части молиться за царя и учитъ не повиноваться никакимъ установленнымъ властямъ, избѣгая всякаго столкновенія съ оны-

ми“ [1]). Среди ея „существуютъ толки, не признающіе никакой надъ собой власти; такъ, наприм., согласіе, именующее себя „не признающими ни царя, ни князя“. Учители этого толка являлись неоднократно на Преображенское кладбище, и въ послѣдній разъ, въ 1847 году, приходили въ оное двое изъ учителей этого согласія, которые укоряли ѳедосеевцевъ за то, что эти послѣдніе отступили отъ истинной христіанской вѣры, ибо оказываютъ повиновеніе и. т. п. Ѳедосеевцы до сихъ поръ вѣруютъ и проповѣдываютъ, что за нынѣшнюю царскую власть молиться есть богомерзкое преданіе и скверное разумѣніе. По вѣрѣ благочестивой и царь благочестивый; по нечестивой же вѣрѣ и царь нечестивый нарицается“ [2]).

Съ начала XIX столѣтія подобныя воззрѣнія на власть исповѣдывали только болѣе крайнія секты (филипповцы, бѣгуны и т. п.), теперь же даже поповцы (не говоря уже о безпоповцахъ), мало-по-малу проникаясь мыслью о господствѣ антихриста, перестаютъ молиться за власть. Это направленіе въ наше время взяло верхъ въ средѣ поповщины, и старообрядческій соборъ 1868 года въ Бѣлой Криницѣ постановилъ: „Молящихся за властей отлучать отъ церкви“ [3]).

Къ той части поповцевъ, которые молятся за властей, принадлежатъ по преимуществу купцы, а къ немолящимся—крестьяне. Такъ, 23 января 1864 года на Рогожскомъ кладбищѣ происходило собраніе, на которомъ вся масса, состоящая по преимуществу изъ крестьянъ и мѣщанъ, оказалась

[1]) „Краткое обозрѣніе русскихъ расколовъ, ересей и сектъ.“ Москва. 1870 г., Стр. 13.

[2]) Idem, стр 14 и 15.

[3]) „Русскій Вѣстникъ“ 1869 г., № 2, статья Субботина. „Слово“ 1878 года, № 8, статья Юзова.

противъ моленія за власть; за моленіе же было только 10 человѣкъ“ [1]).

Изъ дѣла, производившагося въ 1846 году, въ г. Галичѣ, видно, что тамошній раскольникъ Кокинъ употреблялъ разныя непозволительныя выраженія противу царственнаго дома, присовокупляя къ тому, что: „не существовать дому Романовыхъ, что соберутся въ числѣ 15 тысячъ, сплетутъ ременныя возжи для государя“, и т. п. Это даже онъ подтвердилъ и при допросахъ, прибавивъ только что „возжи шелковыя и хранятся въ Балахнинскомъ уѣздѣ, въ Томсеньевской обители, у матушки Александры“ и проч. Передавая этотъ разсказъ, Липранди прибавляетъ, что „подобныя дѣла возникаютъ въ большомъ множествѣ“ среди безпоповщинскихъ толковъ [2]).

„Раскольники недоброжелательно смотрятъ на правительство отечественное“,— говоритъ г. Мельниковъ,— и въ то же время сочувствуютъ Австріи, гдѣ они не подвергаются никакимъ преслѣдованіямъ и стѣсненіямъ со стороны властей. „Въ 1855 г. найдено въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, „сказаніе о Бѣлокриницкой метрополіи“, сочиненіе въ послѣднее время весьма распространившееся среди раскольниковъ. Тамъ объ австрійскомъ императорѣ говорится съ великимъ уваженіемъ, а объ императорѣ Николаѣ I тѣми самыми выраженіями, которыя употребляются въ нашихъ Четьи-Минеяхъ при повѣствованіи о Неронахъ и Деоклетіанахъ. Найденный экземпляръ писанъ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, слѣдовательно,

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г., № 2—3, 1869 года, № 10. Статьи Субботина. „Слово“ 1878 г., № 8.

[2]) „Краткое обозрѣніе русскихъ расколовъ, ересей и сектъ“ Липранди.

и въ самомъ юномъ поколѣніи развиты мысли о благоденствіи въ Австріи и о тяжкой жизни въ Россіи. На допросахъ, при формальныхъ слѣдствіяхъ, раскольники прямо говорили: „Мы бы всѣ были рады въ Австрію уйти, да пропуски крѣпки“ [1]). Необходимо имѣть въ виду, что это происходило въ то время, когда разнаго рода преслѣдованія противъ раскола были въ полномъ ходу.

На увеличеніе немолящихся за властей особенно повліяли странники, которые давно уже упрекали молящихся за властей въ томъ, что тѣ, прося у Бога даровать имъ побѣды „на сопротивныя“, просятъ побѣды и надъ странниками [2]). Изъ понятія о власти вытекаютъ у безпоповцевъ „всѣ частныя понятія о принадлежностяхъ власти, о законахъ, о судопроизводствѣ, о всѣхъ предметахъ, напоминающихъ эту власть, вообще о всѣхъ обычаяхъ государственныхъ. На всемъ этомъ лежитъ печать антихриста, все это ненавистно для раскольника“ [3]), потому что проникнуто, по его мнѣнію, „антихристіанскимъ духомъ“. Разумѣется, что при этомъ однѣ секты идутъ дальше, другія останавливаются на полдорогѣ [4]).

Къ числу наиболѣе крайнихъ сектъ, въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ отнести бѣгуновъ или странниковъ. Тяжелыя условія жизни съ подавляющею нуждою, непосильными податями и недоимками, съ паспортами, сковывающими мужика, — создаютъ странное ученіе бѣгуновъ. Это ученіе предписываетъ разрывать всѣ связи съ міромъ, съ обществомъ, преданными антихристу, заставляетъ бро-

[1]) „Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“. Выпускъ I, стр. 192.
[2]) „Вѣстникъ Европы“ 1871 г., № 1. Статья Розова.
[3]) „Православное Обозрѣніе“, 1862 г., ч. I., стр. 368.
[4]) „Слово“ 1878 г., № 8. Статья Юзова.

сать родное село, семью, родныхъ и близкихъ и бѣжать въ лѣса и степи. Однимъ изъ главныхъ догматовъ бѣгунства является „непризнаваніе ни царя, ни поставленныхъ отъ него властей, потому что царь — антихристъ, а власти его — аггелы, посылаемые для исполненія его повелѣній къ угнетенію народа Божія“ [1]). Такъ какъ открыто они не въ силахъ противиться требованіямъ этихъ властей, то поэтому и должны бѣжать отъ нихъ, скрываться. Полное отрицаніе паспортовъ и подушныхъ податей составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ бѣгунства.

Посмотримъ теперь на тѣ ученія и взгляды на власть, которые выработались у такъ называемыхъ „духовныхъ христіанъ“, т.-е. духоборцевъ, молоканъ, штундистовъ и т. п.

„Духоборцы тамбовскіе, — говоритъ г. Новицкій, — осмѣливались уже дѣлать различіе между добрыми и злыми властями и отличать ихъ происхожденіе: милостивые отъ Бога,—твердили они,— а немилостивые... неизвѣстно отъ кого!“ „Мелитопольскіе духоборцы не разсуждаютъ о происхожденіи властей, а прямо утверждаютъ, что на землѣ не нужно быть никакимъ властямъ“; что власти должны существовать только для воровъ, разбойниковъ и т. п. [2]).

Относительно политическихъ взглядовъ молоканъ Н. И. Костомаровъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

„Часто говорятъ, будто молокане отвергаютъ власть: это сдѣлалось всеобщимъ мнѣніемъ о нихъ. Сами молокане объ этомъ предметѣ говорятъ такъ: „Мы не отвергаемъ власти, мы считаемъ, что слѣ-

[1]) Кельсіевъ: Сборникъ, выпускъ IV, стр. 20.
[2]) Новицкій: „О духоборцахъ“. Кіевъ, 1832 г., стр. 65.

дуетъ ей повиноваться, исполняя изреченіе священнаго писанія, повелѣвающаго устами апостола Павла покоряться предержащимъ властямъ. Надобно, — говорятъ они, — признавать власти, какія бы онѣ ни были, какъ скоро онѣ существуютъ; но мы думаемъ, что нельзя и не слѣдуетъ признавать превосходнымъ все то, что исходитъ изъ власти, если собственный нашъ разсудокъ не убѣждаетъ насъ въ превосходствѣ этого. Равнымъ образомъ нельзя и не должно исполнять повелѣваемое властію, если то, чего власть требуетъ, противно нравственнымъ требованіямъ совѣсти и правды. Такъ они указываютъ, напримѣръ, на первыхъ христіанъ, которыхъ римскіе императоры, облеченные законною властью, принуждали поклоняться идоламъ; христіане не исполняли ихъ требованій, противились имъ, и чрезъ это спаслись".

„Признавая необходимость власти, молокане считаютъ возстаніе противъ всякихъ властей, хотя бы и несправедливыхъ, дѣломъ неправеднымъ и проповѣдываютъ глухое терпѣніе и упорство".

Взглядъ молоканъ на гражданскій строй нашей жизни представляетъ много интереснаго. „Молокане отвергаютъ всякое различіе сословій: по ихъ ученію, всѣ люди равны между собою, всѣ братья, не должно быть ни благородныхъ, ни неблагородныхъ; равнымъ образомъ всякіе внѣшніе знаки отличій, титулы, чины, по ихъ мнѣнію, суета и противны евангельскому ученію" [1]).

„Монархической власти,—говорятъ молокане,— слѣдуетъ покоряться. Но они не уважаютъ всякіе видимые знаки ея святости, ни за что не при-

[1]) Костомаровъ: „Воспоминанія о молоканахъ". „Отечественныя Записки" 1869 г., № 3.

знаютъ монарха Божіимъ помазанникомъ, да и противъ самой монархической институціи указываютъ на исторію Саула. Богъ устами Самуила самъ отклонялъ израильтянъ отъ избранія себѣ царя, и пророкъ указывалъ народу на тѣ стѣсненія и несправедливости, которыя онъ терпѣть будетъ, когда станутъ управлять имъ цари. Но тѣмъ не менѣе, когда уже царская власть признана народомъ, слѣдуетъ ее признавать, и сопротивляться ей, исключая случаевъ вѣры, противно божественному закону и долгу совѣсти. Надобно терпѣть, Христосъ не велитъ противиться“ [1]).

„Духоборцы признаютъ монархическое правленіе особенно противнымъ своему образу мыслей“ [2]).

„Война, — по ученію молоканъ, — есть дѣло самое богопротивное: войска не должно быть, и потому, кто убѣжитъ изъ войска, того не должно преслѣдовать: онъ дѣлаетъ хорошо, бѣжавъ грѣха. При этомъ они ссылаются на одно мѣсто притчъ Соломоновыхъ, превратно понимаемое: „На немъ же аще мѣстѣ вся соберутъ, не иди тамо, уклонись же отъ нихъ и измѣни“ (Притчъ, гл. 4). Укрываніе дезертира есть, по молоканскому понятію, дѣло хорошее. Но не только дезертиръ, и всякій убѣгающій отъ преслѣдованія властей находитъ у молоканъ пріютъ. Мы не знаемъ, — говорятъ они, — виноваты или правы бѣглецы, законъ часто бываетъ несправедливъ и судьи судятъ ошибочно, а власти преданы суетѣ, требуютъ часто противнаго божественному закону“... „На этомъ основаніи пристанодержательство — обыкновенное преступленіе въ молоканскомъ обществѣ“ [3]).

---

[1]) Idem, стр. 77.
[2]) Новицкій: „О духоборцахъ“. Кіевъ. 1832 г., стр. 66.
[3]) Костомаровъ: „Воспоминаніе о молоканахъ“.

Много аналогичнаго съ этимъ ученіемъ мы находимъ во взглядахъ новой, только что появившейся въ Тверской губерніи секты „сютаевцевъ“. „Нѣсть власти, аще не отъ Бога“, говорятъ сютаевцы, и потому относятся къ ней, какъ говорятъ, съ уваженіемъ, называя всякую власть пастырями, а себя овцами, стадомъ. „Овцы должны повиноваться пастырямъ, а пастыри должны пещись объ овцахъ, оборонять ихъ отъ волковъ и стараться пасти ихъ на тучныхъ пастбищахъ“. „Всѣхъ людей они признаютъ братьями: турокъ, язычникъ — для нихъ также братъ“. „Война, по ученію сютаевцевъ, величайшая несправедливость, грѣхъ противъ заповѣди „не убій“ [1]).

Относительно политическихъ убѣжденій штундистовъ въ нашей литературѣ имѣются слѣдующія указанія. Г. Емельяновъ, авторъ статьи: „Раціонализмъ на югѣ Россіи“ [2]), говоритъ:

„Первое уже, что бросается сразу въ глаза, это непринужденное отношеніе штундиста ко всякой власти. Онъ убѣжденъ, что власть существуетъ для злыхъ, а не для добрыхъ (Римл. гл. 13, ст. 3), а когда не будетъ преступленій, тогда упразднятся всякое начальство и всякая власть. Затѣмъ онъ убѣжденъ еще въ томъ, что онъ, собственно говоря, выше власти, какъ представитель божеской истины и высшей правды“. „На основаніи подобныхъ воззрѣній, сложившихся въ головѣ штундиста, послѣдній вовсе не лебезитъ такъ предъ начальствомъ, какъ православный мужикъ“.

— „Экъ, велика бѣда, подумаешь, если сошлютъ, — говорятъ штундисты: — для насъ здѣсь

[1]) „Тверской Вѣстникъ“ 1880 г., № 26.
[2]) „Отечественныя Записки“ 1878 г., № 5.

Сибирь, а для Господа все можно сдѣлать. Вѣдь и въ Сибири люди живутъ".

Поэтому съ гражданскимъ начальствомъ штундистъ держитъ себя, какъ „равный съ равнымъ, вольный съ вольнымъ", а къ духовенству, будь это самъ архіерей даже, относится презрительно: ни за что не сниметъ шапки и не поклонится, а если сидитъ, то не встанетъ съ мѣста, когда проходитъ мимо него духовное лицо[1]).

По ученію штундистовъ, „человѣчество достигло въ настоящее время крайнихъ предѣловъ въ своемъ развращеніи. Богъ родитъ хлѣбъ и даетъ человѣку всевозможные предметы, необходимые для его жизни, а человѣчество торгуетъ этою благодатію, торгуетъ даже совѣстью, вѣрою и человѣческими существами. Богъ разгнѣвался за все это на человѣчество и попустилъ его въ рабство. Въ настоящее время человѣчество находится во второмъ рабствѣ египетскомъ. Когда-то евреевъ мучили и заставляли работать египетскіе фараоны и египтяне. Теперь человѣкъ порабощенъ новыми египтянами — сильными міра сего. Эти новые египтяне пользуются нашимъ трудомъ, распоряжаются нами и нашими силами. Вотъ почему въ настоящее время такъ много несчастій на землѣ. Въ священномъ писаніи ясно сказано, что всѣ люди должны любить другъ друга, какъ родные братья. На землѣ должно существовать тѣснѣйшее братство между всѣми существами человѣческими. Но люди не восхотѣли быть братьями. Какъ новые великіе грѣшники, они всячески стараются владычествовать другъ надъ другомъ, стѣснять, угнетать, обирать и заставлять другихъ

---

[1]) Отечественныя Записки, 1868 г. № 5.

жить такъ, какъ имъ не хотѣлось бы. На войнѣ проливается невинно кровь человѣческая, въ обыкновенной жизни свирѣпствуютъ разбои, грабежи, насилія, взаимныя надувательства, воровство и мошенничество. Богъ разгнѣвался за все это на людей и посылаетъ на нихъ свои кары, какъ на новыхъ египтянъ. Что такое, напримѣръ, саранча, кузька, градъ, падежи рогатаго скота, эпидеміи? Все это казни Божіи, посылаемыя Отцомъ небеснымъ на людей за ихъ грѣхи, за идолопоклонство, поклоненіе иконамъ и въ особенности за враждебныя, небратскія отношенія людей другъ къ другу“ [1]).

Бѣдная мысль некультурнаго человѣка, придавленная тяжкимъ гнетомъ безысходной нужды и лишенная свѣта истиннаго, свободнаго просвѣщенія, бьется какъ рыба объ ледъ въ роковыхъ противорѣчіяхъ между тѣмъ, что представляетъ жизнь, и тѣмъ, чему учитъ слово Божіе. Напрасно силится она примирить этотъ страшный разладъ: ни объяснить, ни оправдать его нѣтъ силъ. Ясно одно: міръ гибнетъ, люди снова впали въ грѣхъ и неправду. Нужно спасти міръ, избавить людей отъ грѣха и страданій. Но какъ?.. Въ Библіи и Евангеліи указаны случаи, какъ угождали Богу, какъ спасенъ былъ міръ. Мысль долгіе годы работаетъ въ этомъ направленіи, религіозная экзальтація достигаетъ высшей степени интенсивности, и вотъ мы видимъ такіе примѣры.

Крестьянинъ Владимірской губерніи, Никитинъ, сжегъ свой домъ и въ немъ двухъ собственныхъ малютокъ, предварительно зарѣзанныхъ имъ ножомъ на горѣ за селеніемъ. На допросахъ онъ

---

[1]) „Недѣля“ 1877 годъ, № 1. „Малорусская штунда“, стр. 54.

хладнокровно показывалъ, что поступилъ такъ, начитавшись Библіи, и совершилъ дѣтоубійство, по образцу Авраама, приносившаго въ жертву Богу сына своего Исаака, что въ то время, когда онъ кололъ дѣтей ножомъ, жена его, мать малютокъ, говорила слова, молитвенно объяснявшія цѣль закланія. Никитинъ былъ, разумѣется, наказанъ, сосланъ въ Сибирь и поселенъ въ Средней Борзѣ, на Аргуни. Живя здѣсь, Никитинъ часто и подолгу уходилъ въ лѣсъ, гдѣ стояла маленькая часовня. Всѣмъ казалось страннымъ и загадочнымъ его поведеніе, но вскорѣ дѣло объяснилось. Объяснили его пастухи, привлеченные стонами къ часовнѣ и натолкнувшіеся въ ней на невиданное диво.

На томъ крестѣ, который Никитинъ самъ вкопалъ въ землю, подъ навѣсомъ, въ часовенкѣ, висѣлъ человѣкъ. Голова въ терновомъ вѣнцѣ склонена была на бокъ; въ крѣпкій морозъ висѣлъ онъ голымъ, только подпоясавши низъ живота бѣлымъ платкомъ; въ боку была рана, все тѣло было облито и забрызгано кровью. У подножія креста лежало копье и орудія Христовыхъ страстей. Когда сбѣжавшіеся люди сняли распятаго со креста, онъ былъ еще живъ; когда его вылѣчили и призвали къ допросу, Никитинъ отвѣчалъ, что *жертвовалъ собою за грѣхи людскіе* и выбралъ для того вечеръ великой пятницы, распиналъ себя самъ, хотя и трудно ему было, но передъ тѣмъ онъ долго молился. Сначала онъ прибилъ ко кресту ноги правой рукой, придерживаясь лѣвой за поперечное древко креста, потомъ лѣвую руку насадилъ на большой гвоздь, вбитый предварительно съ задней стороны поперечной доски креста. То же самое хотѣлъ сдѣ-

лать и съ правою рукою, да видно измѣнили силы, онъ ослабъ и повисъ. Такъ, съ опущенной рукой, онъ и найденъ былъ пастухами.

— Захотѣлось умереть, *какъ умеръ Христосъ за людей*, — говорилъ Никитинъ [1]).

И вотъ, невольно думается: что вышло бы, если бъ эта желѣзная сила воли, эта полная, безпредѣльная готовность страдать, жертвовать собой для блага людей, были бы направлены на путь разумнаго служенія человѣчеству?..

Много горя, скорби и всякаго рода печали выпало на долю русскаго народа. Много тяжкихъ бѣдъ, суровыхъ лишеній и невзгодъ пришлось и до сихъ поръ приходится переносить русскому люду. Въ ученіяхъ многихъ сектъ вы встрѣчаете разнаго рода обряды, которые могутъ служить лучшею иллюстраціею къ этой старой истинѣ. Въ нѣкоторыхъ сектахъ, напримѣръ, установлено *оплакиваніе* каждаго родившагося ребенка, и это оплакиваніе замѣняетъ собою крещеніе. Итакъ, вмѣсто того, чтобы радоваться появленію на свѣтъ новой жизни, новаго человѣческаго существа, — люди, давшіе жизнь этому существу, горько оплакиваютъ появленіе его на свѣтъ, какъ бы заранѣе уже предвидя тотъ тяжелый, тернистый путь, который одинъ только и доступенъ для ихъ сына или дочери.

Русскій народъ, протестуя противъ всевозможныхъ угнетающихъ его бѣдъ и напастей, прежде всего ищетъ опоры для своего протеста въ религіозномъ міросозерцаніи. Было бы, разумѣется, въ высшей степени интересно и во всѣхъ отношеніяхъ поучительно прослѣдить, шагъ за ша-

---

[1]) С. В. Максимовъ: „Сибирь и каторга“.

гомъ, постепенное развитіе народной критической мысли, протестующей противъ тѣхъ или другихъ условій и учрежденій нашего общественнаго строя. Мы постараемся сдѣлать это въ другой разъ, а теперь ограничимся лишь нѣкоторыми указаніями на тѣ проявленія народнаго протеста въ области религіозно-бытовыхъ движеній, которыя направляются противъ основныхъ, коренныхъ причинъ, разъѣдающихъ нашъ соціальный организмъ. Разумѣется, никто, вѣроятно, не будетъ ожидать или требовать, чтобы народъ представилъ въ этомъ случаѣ какія-нибудь вполнѣ выработанныя, законченныя теоріи или системы. „Въ русскомъ народѣ ни одно начало не высказалось точно опредѣленными выраженіями, катехизисами и символами вѣры,—у насъ всегда были безотчетныя стремленія, которыхъ мы не умѣли высказать, но за которыя умѣли страдать“ [1]).

Смутно, инстинктивно начинаетъ догадываться въ началѣ народная мысль о причинахъ тяжелыхъ условій, что̀ желѣзными клещами держатъ его въ заколдованномъ кругѣ вѣчной нужды, вѣчныхъ, безысходныхъ лишеній... Гдѣ же эти причины по его мнѣнію?

Уже въ первое время развитія раскола, во времена Андрея Денисова, возникали ученія, въ которыхъ намеками проглядывалъ народный взглядъ на причины соціальныхъ неустройствъ. Таково Пастухово и Адамантово согласіе. Пастухъ Выговской общины создалъ особое ученіе, главное положеніе котораго состояло *въ отрицаніи денегъ*. Послѣдователи этого ученія не должны

---

[1]) Кельсіевъ. „Сборникъ правительствен. свѣдѣній о раскольникахъ“. Выпускъ I.

были брать въ руки денегъ, не должны были прикасаться къ нимъ.

Вскорѣ послѣ этого возникаетъ ученіе странниковъ, основатель котораго, бѣглый солдатъ Евѳимій, нападая на Петра I-го, между прочимъ говорилъ: „Описалъ всѣхъ человѣкъ (первая народная перепись) и раздѣлилъ на разные чины.... имъ же размеживъ землю, лѣса и воды, даде я въ наслѣдіе комуждо ихъ“; и далѣе: „Егда бо по описи раздроби народъ на разные чины и *землю размежева, симъ раздѣленіемъ яко язычниковъ содѣла другъ другу завидующихъ, другъ на друга ратоборствующихъ, надѣливъ кому много, кому мало, иному же ничесоже давъ и токмо едино рукодѣліе повелѣвъ*“ [1]).

Евѳимій умеръ въ 1792 году. Спустя двадцать лѣтъ послѣ его смерти, въ 1812 году, крестьянинъ села Краснаго, Костромскаго уѣзда, раскольникъ-филипповецъ, Василій Петровъ, выступаетъ на сцену съ новымъ ученіемъ. Явившись въ село Сопелки, представляющее собою главный центръ секты бѣгуновъ, онъ началъ проповѣдывать, что „истиннымъ христіанамъ нельзя брать въ руки денегъ, какъ заклейменныхъ антихристовой (царскою) печатью, и что ни одинъ странникъ не имѣетъ права владѣть собственностью, а все свое имущество долженъ отдавать въ пользу общины“ [2]). Хотя свое ученіе Василій Петровъ основывалъ на приведенныхъ нами выше словахъ Евѳимія, тѣмъ не менѣе большинство странниковъ отвергло его ученіе, мотивируя это тѣмъ, что слова Евѳимія относятся только къ поземельной соб-

---

[1]) „Сборникъ правител. свѣдѣній о раскольникахъ“.

[2]) „Православное Обозрѣніе“ 1864 г., № 4, Статья Вескинскаго о сектѣ бѣгуновъ, стр. 315.

ственности, рыбнымъ ловлямъ, соляннымъ озерамъ и т. п. предметамъ, но не ко всякаго рода собственности.

Несмотря на это, ученія съ коммунистическимъ характеромъ продолжаютъ возникать среди бѣгуновъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ, въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, является крестьянинъ Иванъ Петровъ и проповѣдываетъ, что „изреченіе Евѳимія: „Глаголъ *мое, свое*—проклятый и скверный, вся бо вамъ общая сотворилъ есть Богъ"—относятся не только къ размежеванію земель, но и вообще ко всякой собственности". На этомъ основаніи Иванъ Петровъ требовалъ и настаивалъ на „общинномъ укрѣпленіи и на совершенномъ отреченіи отъ права собственности" [1]). Точно такое же ученіе проповѣдывалось крестьяниномъ Антипомъ Яковлевымъ въ Костромской губерніи, въ Плесовской сторонѣ, залючающей въ себѣ три уѣзда, Костромской губерніи.

Въ 30-хъ годахъ возникаетъ ученіе общихъ...

Въ Самарской губерніи, въ Николаевскомъ уѣздѣ, по сосѣдству съ прежними, когда-то цвѣтущими, но потомъ разоренными иргизскими раскольническими монастырями, живетъ молоканъ, простой сѣрый мужикъ, Михаилъ Акинфіевичъ Поповъ (Шепиловъ). Свѣтлымъ умомъ и добрымъ сердцемъ надѣлила природа Михаила Акинфіевича. Онъ мужикъ съ достаткомъ, поэтому можетъ свободно удѣлять время на чтеніе и изученіе Евангелія и Библіи. Читаетъ Поповъ Евангеліе и видитъ, что люди живутъ далеко не такъ, какъ бы слѣдовало жить по ученію Христа.

---

[1]) „Недѣля" 1880 г № 28.

Вездѣ вражда, вездѣ раздоры: богачъ гнететъ и давитъ бѣдняка. Какъ помочь бѣдному, придавленному люду? И снова читаетъ онъ и перечитываетъ Евангеліе, надѣясь найти въ немъ отвѣтъ на тѣ сомнѣнія, что преслѣдуютъ и мучатъ его. „Всѣ вѣровавшіе бяху вкупѣ и имяху вся общая“[1]), читаетъ онъ. Эти слова поражаютъ его. Ясно — это отвѣтъ на его думы и сомнѣнія, это разгадка тѣхъ вопросовъ, которые мучили его.

Убѣдившись въ правотѣ этихъ думъ, Поповъ провозглашаетъ свое ученіе и начинаетъ съ того, что все имущество раздаетъ сосѣдямъ. На первыхъ же порахъ во всѣхъ сосѣднихъ деревняхъ находится множество послѣдователей ему, а деревня Яблоновка (Яблоновскій Гай) и Тяглое Озеро цѣликомъ переходятъ на его сторону. Такое движеніе не могло, разумѣется, остаться въ секретѣ, и, дѣйствительно, мѣстныя власти скоро узнали о немъ. Попова схватили, посадили въ острогъ. Послѣдователи его пытались было доставить ему возможность бѣжать, но это не удалось. Попова судили, и затѣмъ, вмѣстѣ съ тринадцатью болѣе близкими друзьями, онъ сосланъ былъ за Кавказъ, въ бывшую Шемаханскую, теперь Бакинскую губернію.

Очутившись за Кавказомъ, среди чуждыхъ, незнакомыхъ условій, Поповъ нимало не потерялся, не смутился и немедленно же вновь принялся за устройство общины на выработанныхъ имъ началахъ. Прослышавъ объ этомъ, его послѣдователи, оставшіеся въ Самарской губерніи, начали хлопотать о переселеніи ихъ туда же, за Кавказъ. Администрація, не мало смущенная

---

[1]) „Дѣян. Апостол.“ II, 44.

пропагандой Попова, была очень рада случаю избавиться отъ его послѣдователей. Получивъ разрѣшеніе, переселенцы двинулись по слѣдамъ своего опальнаго учителя. Они основались въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, гдѣ вскорѣ появилось нѣсколько цвѣтущихъ слободъ, которыя не только приняли ученіе Попова, но и реализировали его въ жизни съ необыкновенною послѣдовательностью. Вотъ сущность этого ученія и вмѣстѣ абрисъ той организаціи, какая принята была въ этихъ общинахъ.

Каждая слобода составляетъ особую общину. Всѣ дома у общинъ строятся не иначе, какъ міромъ. Имѣнія движимыя и недвижимыя и доходы съ нихъ принадлежатъ общему братскому союзу; личной же собственности ни движимой, ни недвижимой ни у кого нѣтъ. Дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хозяйство, земля, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни,— однимъ словомъ, все хозяйство, вся промышленность находится въ распоряженіи „партій“, на которыя подраздѣляется союзъ общихъ, принадлежатъ цѣлой слободѣ, въ которой эти партіи находятся. У общихъ въ каждой слободѣ одна общая денежная касса, одно общее стадо, одно общее хлѣбопашество и полеводство. Изъ общей кассы, также изъ общаго имущества, отпускаются части въ партіи поголовно, на число душъ, по изравненію. Такимъ образомъ распредѣляется по партіямъ скотъ, одежда, обувь и проч. Въ каждой партіи выбирается домашній или земскій распорядитель, сохраняющій все мужское верхнее платье и обувь партіи; женщины, въ свою очередь, выбираютъ изъ своей среды домашнюю или земскую распорядительницу съ подобными же обязанностями. Слободы общихъ

управляются выборными чинами: судьею, главнымъ учителемъ и наблюдателемъ общины, распорядителемъ, молитвенникомъ, словесникомъ и т. п. Всѣ работы, полевыя и домашнія, производятся общими трудами, по наряду общинныхъ чиновъ и домашнихъ распорядителей.

Такова была организація тѣхъ общинъ, которыя приняли ученіе Михаила Попова. Эти слободы росли, богатѣли и развивались. Въ нихъ появились школы, основанныя по собственной иниціативѣ сектантовъ и обставленныя всѣмъ необходимымъ. Но недолго наслаждались миромъ обыватели этихъ слободъ. Въ 1844 году Поповъ, вмѣстѣ съ наиболѣе выдающимися послѣдователями, былъ снова арестованъ и заключенъ въ Шемаханскій острогъ. Судъ приговорилъ его, какъ основателя и распространителя особенно вредной секты, къ ссылкѣ въ Енисейскую губернію. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, и Поповъ былъ водворенъ въ Шушинскую волость, Минусинскаго округа, Енисейской губерніи. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ былъ еще живъ и, какъ увѣряютъ, не переставалъ развивать и пропагандировать свое ученіе. Но основанныя имъ закавказскія общины, лишившись главныхъ руководителей, мало-по-малу начали терять свою коммунистическую организацію. Къ сожалѣнію, о настоящемъ состояніи этихъ общинъ неизвѣстно рѣшительно ничего достовѣрнаго.

Иногда иниціаторами въ дѣлѣ устройства подобныхъ соціалистическихъ общинъ являются лица, стоящія внѣ крестьянской среды. Такъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Брянчаниновъ, изучавшій расколъ въ Костромской губерніи, разсказываетъ слѣдующій интересный

фактъ. „Дьяконъ села Бавыкина, Макарьевскаго уѣзда, Николай Поповъ, человѣкъ умный, хорошо занимавшійся въ семинаріи, вздумалъ завести жизнь братскую, общинную, сталъ соединять нѣсколько отдѣльныхъ семействъ въ одно общество, заводить у нихъ общую работу, общую трапезу, даже нѣчто въ родѣ общаго имущества; ибо всѣ его приверженцы, записавшіеся въ особую книгу, сносили къ нему свое имущество, и онъ распоряжался во имя всѣхъ. Послѣ обѣдни всѣ послѣдователи собирались у него въ домѣ, гдѣ онъ ихъ училъ евангельскимъ истинамъ. Дьяконъ этотъ, по словамъ священниковъ, отличался характеромъ мечтательнымъ, но по общему отзыву былъ человѣкъ безукоризненной жизни“ [1]). Министерскій чиновникъ ничего, къ сожалѣнію, не говоритъ о томъ, насколько удалась ему эта община, долго ли существовала она, какія причины способствовали ея распаденію и т. д.

Растутъ экономическія бѣдствія народа, растутъ кулачество, эксплоатація и другія проявленія современнаго капиталистическаго строя,— растетъ и протестъ народный противъ этихъ явленій. Въ ученіяхъ и сектахъ, возникающихъ въ самое послѣднее время, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, соціальные мотивы не только не слабѣютъ, а, напротивъ, получаютъ большее развитіе и опредѣленность.

Среди штундистовъ, напримѣръ, кулачество почитается дѣломъ крайне предосудительнымъ и, какъ таковое, строго преслѣдуется.

— На какомъ основаніи,—замѣчаетъ обыкновенно штундистъ,—собрату, въ случаѣ, если этотъ

[1]) Кельсіевъ. „Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“. Выпускъ II, стр. 24.

послѣдній пожелаетъ поживиться на счетъ перваго, — на какомъ основаніи ты торгуешь благодатью Божіею?

По воззрѣніямъ штундистовъ, брать плату за пользованіе землею или лѣсомъ положительно грѣшно, потому что ихъ создалъ Богъ, а не сдѣлалъ человѣкъ. Они поэтому не составляютъ собственности кого-нибудь одного, а представляютъ общій, дарованный всѣмъ людямъ даръ. Даромъ Божіимъ торговать грѣшно, но и трудомъ человѣческимъ точно такъ же. Русскіе штундисты пошли въ этомъ отношеніи несравненно дальше нѣмцевъ-штундистовъ. Послѣдніе, спустя рукава, смотрятъ на кулачество и нѣкоторые способы добыванія жизненныхъ средствъ. Такъ, напримѣръ, они, не стѣсняясь, держатъ „въ батракахъ“ своихъ же братьевъ штундистовъ. Наконецъ, нѣмцы держатъ даже кабаки, нанимая только кабатчиковъ. Малороссы-штундисты рѣшительно возстаютъ противъ подобнаго поведенія нѣмцевъ. Они, особенно младо-штундисты, ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ найма рабочихъ изъ своихъ же братьевъ штундистовъ, не допускаютъ отдачи денегъ въ ростъ, не допускаютъ содержанія кабаковъ, даже въ такомъ видѣ, какъ это существуетъ у нѣмцевъ, безусловно отрицаютъ право взиманія платы за пользованіе землею, лѣсомъ, водами и т. п.

Въ 1880 году газеты сообщали извѣстія о появленіи въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, новой секты, названной „сютаевской“ — по имени ея основателя, крестьянина деревни Шевелина Василья Кирилловича Сютаева. Извѣстія эти были крайне неполны, отрывочны, отчасти даже противорѣчивы; тѣмъ не менѣе

всѣ они вполнѣ согласно указывали на замѣчательную особенность ученія сютаевцевъ. Эта особенность касается взгляда новой секты на собственность.

„Сютаевцы смотрятъ на собственность съ евангельской точки зрѣнія: у человѣка, по ихъ ученію, нѣтъ ничего своего, все Божіе, все создано Богомъ для всѣхъ вообще. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, они не запираютъ даже своего имущества, и всякій имѣетъ право взять, что пожелаетъ, не спрашивая позволенія у того, кому это принадлежитъ; они никогда не отказываютъ ближнимъ въ помощи, требуя только того же по отношенію къ себѣ“ [1]).

Путемъ отрицанія настоящаго, существующаго, сектанты вырабатываютъ болѣе или менѣе опредѣленные идеалы будущей жизни и отношеній человѣчества. Штундисты, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ рисуютъ этотъ идеалъ будущей жизни людей.

„На первомъ планѣ долженъ стоять *трудъ*. „Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой“, сказалъ Христосъ. „Трудившійся да ястъ“... Всѣ люди должны трудиться. Но такъ какъ человѣкъ ничего новаго не можетъ создать своимъ трудомъ, такъ какъ земля, воды, камни, животныя, растительность и пр. и пр.—дѣла рукъ Божіихъ, то человѣчество не имѣетъ права считать ихъ своею собственностью. Они—даръ Божій, Божья благодать. Поэтому земля должна быть общею, при этомъ каждый долженъ воздѣлывать земли столько, сколько нужно для его потребностей. Люди должны жить отдѣльными братствами или

---

[1]) „Тверской Вѣстникъ“, 1880 г., № 26.

общинами; должны быть раздѣленіе и спеціализація труда и обмѣнъ продуктовъ натурою. Деньги не должны существовать; конторы и торговцы точно такъ же. Все должно производиться при посредствѣ обоюднаго согласія, по-братски“ [1]).

Отсюда можно видѣть, что штундисты будущимъ идеальнымъ строемъ представляютъ себѣ, такъ называемый, первобытный естественный соціализмъ въ самой примитивной его формѣ, и во имя его отрицаютъ существующія въ настоящее время человѣческія отношенія.

У сектантовъ иногда можно встрѣтить болѣе или менѣе правильно организованныя общины, которыя имѣютъ свою администрацію, свой судъ, свой уголовный кодексъ, свое духовенство. У штундистовъ, напримѣръ, судъ основывается на правилѣ апостольскомъ, т.-е. сначала штундисты пробуютъ помирить поссорившихся одинъ на одинъ. Если это не удается, тогда разбирательство производится при постороннихъ лицахъ, при свидѣтеляхъ. Это, такъ называемый, „судъ братскій“. Если же и этотъ не достигаетъ своей цѣли, тогда тяжущихся предаютъ на судъ Церкви“, подъ которымъ должно разумѣть вообще судъ собраній, судъ всей общины. Кромѣ этого, иного суда у штундистовъ не бываетъ. Штундисты всячески стараются избѣгать суда у „язычниковъ“, т.-е. православныхъ [2]).

О внутреннихъ отношеніяхъ, существующихъ въ нѣкоторыхъ старообрядческихъ общинахъ, священникъ Беллюстинъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. „Общины раскольническія поставлены такъ, что и послѣдній бѣднякъ имѣетъ въ ней голосъ“.

[1]) „Недѣля“ 1877 г., № 2, стр. 55.
[2]) Idem, стр. 58.

Вотъ какъ описываетъ онъ богатое сапожничье село Кимры, Корчевскаго уѣзда, населенное поповцами:

„Отношенія хозяевъ и рабочихъ представляютъ весьма характеристическую особенность; рабочіе образуютъ обыкновенно артели человѣкъ въ 30—60, и эти артели имѣютъ такую нравственную силу, благодаря которой не только могутъ во всемъ касающемся религіозныхъ убѣжденій противодѣйствовать „хозяину“, если бы онъ рѣшился пойти противъ нихъ, но даже вполнѣ подчиняютъ его своимъ воззрѣніямъ. Намъ случалось быть свидѣтелями не только разсужденій, но и преній „о вѣрѣ“ между хозяиномъ и его артелью; тутъ нѣтъ ничего похожаго на обыкновенныя отношенія между хозяиномъ и его работникомъ: рѣчью заправляютъ, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняясь, наиболѣе начитанные, будь это хоть послѣдніе бѣдняки изъ цѣлой артели; они же вершатъ и поднятый вопросъ; хозяину предстоитъ обыкновенно дилемма: или безусловно подчиниться рѣшенію артели,— а не забудемъ, что между всѣми артелями данной мѣстности всегда и во всемъ касающемся религіозныхъ предметовъ самая неразрывная солидарность,— или стать въ разладъ съ артелью, то-есть съ цѣлымъ обществомъ“ [1]).

„Впрочемъ, не слѣдуетъ особенно оптимистически смотрѣть на отношенія капиталистовъ и рабочихъ даже въ средѣ раскольниковъ. Какъ ни сильна организація общины, но капиталъ все-таки даетъ чувствовать свое могущество; не даромъ же въ послѣднее время старовѣры ухитрились найти „число звѣрино“, т.-е. имя антихриста, въ словѣ

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ за 1865 г., № 6. Статья св. Беллюстина.

„хозяинъ“. Если „хозяинъ“, по понятіямъ старовѣровъ, слѣлался орудіемъ антихриста, т.-е. зла, слѣдовательно, о благодушныхъ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими не можетъ быть рѣчи и въ средѣ раскольниковъ“ [1]). Во многихъ мѣстностяхъ кулачество проникло и въ сектантскую среду; особенно же сильно оно процвѣтаетъ среди послѣдователей нѣкоторыхъ старинныхъ, давно существующихъ сектъ, въ родѣ старообрядчества и молоканства.

Отдѣльныя раскольничьи общины находятся въ постоянномъ сношеніи между собою. Для этой цѣли у нихъ существуетъ даже своя собственная почта и выработаны особенные, иносказательные языки и шифры, понятные только имъ самимъ. Во многихъ мѣстностяхъ у раскольниковъ „есть своя полиція: они прежде мѣстнаго начальства узнаютъ всякую новую мѣру правительства, относящуюся до раскола, и такія вѣсти передаются изъ одной деревни въ другую съ неимовѣрною быстротою“ [2]). Въ случаяхъ особенной важности сектантскія общины дѣйствуютъ заодно, устраиваютъ съѣзды или соборы и сообща обсуждаютъ, посредствомъ выборныхъ отъ каждой общины или секты, возникшія недоразумѣнія. Для примѣра приведемъ слѣдующій случай:

„Въ пятидесятыхъ годахъ одинъ изъ учителей странничества, Аѳанасій Петровъ, былъ пойманъ на томъ, что хранилъ большое количество денегъ въ иконѣ. На другой день, говоритъ бывшій старовѣръ, составился соборъ, на которомъ Аѳанасія, какъ сребролюбца, лишили званія учителя, сняли съ него знаки его апостольскаго достоинства,

[1]) „Недѣля“ 1880 г., № 28, стр. 891.
[2]) Сборникъ Кельсіева. Вып. II, стр. 19.

одѣли въ худую одежду и рѣшили содержать подъ стражей. Но Аѳанасій бѣжалъ и вскорѣ былъ пойманъ на другомъ преступленіи: онъ разъѣзжалъ какъ протоіерей, посланный изъ Выгорѣцкой пустыни. Тогда судъ надъ нимъ былъ предоставленъ „общей стардобрядческой конторѣ". Контора эта устроена была въ Выгорѣцкой пустынѣ въ 1850 г. по случаю происходившихъ ссоръ и убійствъ между разными сектами; ей предоставлено было разбирать всѣ возникающія между сектами дѣла. Въ члены избраны по 3 человѣка отъ каждой секты, всего 27 человѣкъ; трое изъ нихъ предсѣдательствуютъ. Существованіе подобныхъ учрежденій доказываетъ, что слова г. Формаковскаго о томъ, что „расколъ представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ федераціи политико-религіозныхъ согласій" — вполнѣ справедливы не только для давно прошедшихъ временъ, но и для очень недавнихъ" [1]).

Изъ высказаннаго нами слѣдуетъ заключить, что громадная, поразительная сила нашего сектантства главнымъ образомъ обусловливается недостатками нашего духовенства и школы, нашего политическаго и соціальнаго строя. Такимъ образомъ разнообразные мотивы и причины, вызывающіе и поддерживающіе расколъ, сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующимъ элементамъ: къ церковному или, точнѣе говоря, духовно-нравственному, культурному, политическому и соціальному...

Но вѣдь говорятъ, что въ наше время расколъ вырождается, слабѣетъ, уменьшается. А если это такъ, то, стало-быть, о чемъ же тутъ особенно

---

[1]) „Недѣля" 1880 г., № 28, стр. 890. „Душепол. Чтеніе" 1863 г., ч. 3-я, стр. 120 — 125.

хлопотать и безпокоиться? „Пройдутъ года“, и онъ совсѣмъ и безслѣдно исчезнетъ изъ народной жизни. И вѣдь для этого такъ немного нужно: „побольше школъ, побольше миссій“ — вотъ все, что только требуется для этого даже передовыми людьми нашего общества...

Но такъ ли это?..

III.

Отчеты и жизнь.

Много разныхъ мѣръ, много разнаго рода рецептовъ предлагается къ искорененію „зла“, извѣстнаго вообще подъ именемъ раскола или сектантства. Эти мѣры и рецепты практикуются долгіе годы, и потому будетъ вполнѣ умѣстнымъ и своевременнымъ спросить: „Гдѣ жъ плоды той работы полезной?“.

Мы видимъ, что съ сектантствомъ давно уже ведутъ упорную борьбу наше духовенство, многочисленные миссіонеры, различныя миссіонерскія общества, братства, и. т. п. Наконецъ, въ видахъ противодѣйствія расколу создано даже нѣчто въ родѣ особой переходной вѣры или Церкви, извѣстной подъ именемъ „единовѣрія“, для распространенія котораго среди раскольниковъ не брезгали даже открытымъ, явнымъ насиліемъ. Гражданское начальство во всеоружіи власти всегда съ особенно готовностью спѣшитъ на помощь духовенству оказать ему „содѣйствіе“ въ борьбѣ съ расколомъ, круто и энергически расправляясь съ строптивыми, неподатливыми сектантами.

Итакъ, каковы же результаты всѣхъ этихъ мѣръ, стараній, „содѣйствій“ и т. п.? Слабѣетъ ли расколъ? Уменьшается ли сектантство?

Если мы за разрѣшеніемъ этого вопроса обратимся къ офиціальнымъ источникамъ, то мы встрѣтимся съ данными самаго успокоительнаго свойства. Вотъ передъ нами цѣлая груда извѣстныхъ отчетовъ бывшаго оберъ-прокурора синода графа Д. Толстого. „За много лѣтъ!“ Читаемъ ихъ и перечитываемъ.

Прежде всего въ этихъ отчетахъ невольно бросается въ глаза ихъ замѣчательное однообразіе: всѣ они, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга и всѣ они въ сущности представляютъ собою не что иное, какъ разныя варіаціи на одну и ту же тему, на одинъ и тотъ же мотивъ. Этотъ мотивъ — нашъ старый знакомецъ, онъ исчерпывается одною классическою фразою: „Все обстоитъ благополучно“. Все обстоитъ благополучно, благодаря, разумѣется, нашимъ „неусыпнымъ стараніямъ“, „постояннымъ заботамъ и попеченіямъ“ и проч. и проч., — все старыя, давнишнія, извѣстныя вещи.

Всѣ эти отчеты наполнены свѣдѣніями и извѣстіями о „значительныхъ успѣхахъ православія среди сектантовъ“, объ „усиленной и необыкновенно успѣшной дѣятельности“ разныхъ миссій и братствъ, о „быстромъ и постоянномъ ослабленіи сектантства“, о развитіи единовѣрія въ ущербъ раскола и. т. д. и т. д. Въ подкрѣпленіе всѣхъ этихъ завѣреній тутъ же приводятся „точныя цифры“ какъ отступившихъ отъ православія, такъ и присоединившихся въ его лоно, — цифры, молъ, краснорѣчивѣе словъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти цифры выходятъ еще болѣе краснорѣчивы, чѣмъ даже увѣренія объ отрадныхъ и значительныхъ успѣхахъ православія. Единственный недостатокъ этихъ „краснорѣчивыхъ цифръ“ состоитъ лишь

въ томъ, что онѣ необыкновенно напоминаютъ собою военныя реляціи прежняго, добраго времени о стычкахъ и столкновеніяхъ съ непріятелемъ, когда считалось почему-то обязательнымъ увеличивать потери непріятеля въ сотни разъ, а свои умалять до единицъ.

Таковы отчеты.

Но вотъ бѣда: мы давно извѣрились въ точность казенной статистики, и краснорѣчіе разныхъ отчетовъ давно уже перестало трогать насъ... Забудемъ же на время объ этихъ отчетахъ и взглянемъ безъ предубѣжденія, что представляетъ намъ дѣйствительная жизнь. Начнемъ нѣсколько издали. Послушаемъ сначала, что говорятъ по этому поводу офиціальные изслѣдователи раскола, о которыхъ мы упоминали въ предыдущей главѣ.

„Число раскольниковъ по вѣдомостямъ уменьшается, а на самомъ дѣлѣ увеличивается“ [1]),—заявляетъ статскій совѣтникъ Арнольди, изслѣдовавшій Костромскую губернію.

„Всѣ эти (раскольническіе) толки, ереси и секты *съ неимовѣрною быстротою* умножаются и усиливаются обращаемыми“ [2]), — свидѣтельствуетъ Липранди. Далѣе онъ утверждаетъ: „развитіе безпоповщинской ереси распространяется у насъ съ изумительною быстротою“ [3]); „существующіе толки безпоповщины усиливаются, новыя согласія созидаются, пропаганда ихъ быстро подвигается впередъ“ [4]). „Зло это (расколъ) *возрастаетъ съ каждымъ днемъ* и достигаетъ размѣровъ, которые

---

[1]) Сборникъ Кельсіева. Вып. II, стр. 20.
[2]) Краткое обозрѣніе русскихъ расколовъ, ересей и сектъ. Липранди. Москва. 1870 г., стр. 12.
[3]) Idem, стр. 14.
[4]) Idem, стр. 18.

тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что истинный объемъ ихъ вовсе неизвѣстенъ“ [1]).

„Всѣ мѣры правительства противъ раскола въ теченіе 200 лѣтъ не только не увѣнчались какимъ-либо успѣхомъ, но число раскольниковъ болѣе и болѣе умножается“ [2]) — говоритъ П. Ив. Мельниковъ. И. С. Аксаковъ, участвовавшій въ комиссіи, имѣвшей цѣлью изслѣдованіе секты бѣгуновъ, говоритъ: „Всѣ изслѣдованія доказываютъ, что расколъ постоянно распространяется и усиливается“ и что „всѣ мѣры, принимаемыя правительствомъ, оказываются доселѣ безуспѣшными“ [3]). Это же самое утверждалъ и предсѣдатель слѣдственной комиссіи по дѣлу о бѣгунахъ, графъ Стенбокъ.

Такимъ образомъ офиціальные изслѣдователи констатировали два факта: во-первыхъ, они доказали несомнѣнное и быстрое распространеніе и усиленіе раскола и, во-вторыхъ, выяснили совершенную безуспѣшность тѣхъ пріемовъ и способовъ борьбы съ расколомъ, которые практиковались въ то время. Итакъ, быстрое, безостановочное развитіе раскола настолько несомнѣнно, что оно поразило даже офиціальныхъ изслѣдователей, несмотря на ихъ крайне неумѣлое и поверхностное отношеніе къ дѣлу непосредственнаго изученія и наблюденія.

Это было въ пятидесятыхъ годахъ, а вотъ что было потомъ. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ Симбирской губерніи разомъ обратилось въ расколъ болѣе двадцати пяти тысячъ. Въ

[1]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. древностей при Моск. Универ. 1770 годъ, кн. 2-я.

[2]) „Сборникъ правительств. свѣдѣній о раскольн.“ Выпускъ I стр. 198.

[3]) „Русскій Архивъ“ 1866 г. № 4.

1867 году половина города Петровска, Саратовской губерніи, (около пяти тысячъ) перешла въ расколъ. Въ томъ же году половина села Богородскаго, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ оставила православіе и примкнула къ расколу [1]).

Священникъ Беллюстинъ, близко знакомый съ народною жизнью, говоритъ, что „въ крестьянствѣ нынѣ (въ 1865 году) сильнѣе и крѣпче, чѣмъ когда-либо, распространяются и принимаются тѣ ученія, которыя въ самой идеѣ отрицаютъ все, что только слыветъ подъ именемъ священства". Онъ утверждаетъ, что „крестьяне обращаются въ расколъ *цѣлыми массами*" [2]). При этомъ онъ приводитъ длинный списокъ селъ и приходовъ, въ изучаемой имъ мѣстности (въ Тверской губерніи), въ которыхъ раскольническая пропаганда развивается особенно успѣшно, несмотря на то, что проникла туда лишь *въ самое недавнее время*. Священникъ Твердынскій говоритъ, что „нужно, къ прискорбію, согласиться съ апологетами раскола: число обращающихся изъ православія въ расколъ увеличивается *„цѣлыми тысячами"* [3]). „Теперь расколъ началъ пріобрѣтать себѣ послѣдователей даже въ такихъ приходахъ — заявляетъ „Православный Собесѣдникъ", — въ которыхъ вовсе не было раскольниковъ" [4]). Сотрудникъ духовныхъ журналовъ С. М. В—ъ говоритъ, какъ о вполнѣ несомнѣнномъ и извѣстномъ фактѣ, что „прежде отъ гоненій расколъ росъ тайно, а нынѣ, на свободѣ онъ растетъ явно" [5]).

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1868 г. № 2.
[2]) „Русскій Вѣстникъ" 1865 г., № 6, стр. 761.
[3]) „Странникъ" 1866 г. № 3.
[4]) „Православный Собесѣдникъ" 1866 г. кн. 3-я.
[5]) „Странникъ" 1871 г., часть 2-я.

Наконецъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ[1]), въ печати встрѣчалась масса извѣстій о быстромъ развитіи раскола въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Сообщалось, напримѣръ, что большое, зажиточное село Кряжимъ, Вольскаго уѣзда, имѣющее около 1,600 душъ обоего пола, чуть не поголовно перешло въ расколъ. Въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, „жители деревень Губинской и Язвищъ, державшіеся прежде православія, перешли въ расколъ и обзавелись попами австрійско-бѣлокриницкаго происхожденія“ [2]). Въ настоящее время „въ этихъ деревняхъ не осталось вовсе православныхъ“ [3]). Вообще въ Покровскомъ уѣздѣ „расколъ укоренился съ давняго времени и постепенно распространяется, благодаря пропагандѣ старообрядческихъ книжниковъ и начетчиковъ“ [4]).

Въ 1879 году, на происходившемъ въ Москвѣ старообрядческомъ соборѣ, Виталій Уральскій предложилъ на обсужденіе собора вопросъ о присоединеніи къ его паствѣ 8,000 человѣкъ разныхъ „иновѣрцевъ“ изъ жителей Пермской и Оренбургской губерній. Такъ какъ большую часть этихъ присоединяющихся къ расколу „иновѣрцевъ“ составляли православные, то поэтому Виталій, прежде принятія ихъ въ свое общеніе, предложилъ вопросъ объ этомъ на обсужденіе остальныхъ старообрядческихъ іерарховъ [5]).

Изъ Суздальскаго уѣзда, Владимірской губерніи, сообщалось недавно, что „распространеніе раскола находитъ себѣ богатую почву среди мѣстнаго

[1]) Писано въ концѣ 1880 года.
[2]) „Русскія Вѣдомости“ 1879 г., № 127.
[3]) „Новое Время“ 1880 г., № 1506.
[4]) Idem.
[5]) „Голосъ“ 1879 г. № 296.

населенія“ [1]). „Въ Верейскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, изъ ничтожнаго количества — всего нѣсколькихъ семействъ-раскольниковъ, имѣвшихся въ Вышегородской волости, численность ихъ возросла въ настоящее время настолько, что въ недалекомъ будущемъ расколъ тамъ будетъ имѣть одинаковое число послѣдователей съ православіемъ“ [2]). Изъ Нижегородскаго уѣзда сообщаютъ, что „въ тамошнемъ краѣ, въ послѣднее время, сильно развивается старообрядческяя пропаганда“ („Русскія Вѣдомости“ 1879 года). Въ Оренбургской губерніи „расколъ пріобрѣтаетъ себѣ все больше и больше послѣдователей въ краѣ [3]).

„Прихожане мои, — пишетъ священникъ села Алексѣевки, Хвалынскаго уѣзда, — почти всѣ раскольники; до уничтоженія крѣпостного права, они, вслѣдствіе принужденія гг. управляющихъ ими, совершали всѣ христіанскія требы въ православной церкви; а по уничтоженіи крѣпостного права вдругъ всѣ сдѣлались раскольниками“ [4]). Единовѣрческій священникъ села Жаркова, Костромского уѣзда, сообщаетъ: „До 1860 года о расколѣ не было слышно, а съ этого времени расколъ началъ умножаться, при чемъ прежде совращаются мужчины, потомъ уже и ихъ семейные“ [5]).

Въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ недавно помѣщена была статья о развитіи въ этой губерніи раскольничьяго движенія. Авторъ статьи, путемъ собиранія точныхъ статистическихъ данныхъ, обнаруживаетъ фактъ увеличенія въ

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1880 г., № 8.
[2]) „Русскія Вѣдомости“ 1880 г.
[3]) Idem.
[4]) „Истина“, 1880 г. май и іюнь.
[5]) Idem.

послѣднее время раскольнической семьи, увеличенія, упорно поддерживаемаго вопреки энергичной миссіонерской дѣятельности [1]). Подобный же фактъ былъ констатированъ относительно Воронежской губерніи трудами мѣстнаго статистическаго комитета... [2]) . . . . . .

. . . . . .

Священникъ села Мятлева, Нижегородской губерніи, пишетъ къ редактору журнала „Истина“: „Убѣдительно прошу васъ научить, наставить меня, что мнѣ дѣлать въ виду того *ужасающаго прогресса*, съ какимъ распространяется въ моемъ приходѣ расколъ“ [3]).

Всѣ эти свѣдѣнія относятся до первой группы раскола, состоящей изъ старовѣровъ или старообрядцевъ, т. е. до той именно группы, объ ослабленіи которой чаще всего толкуется въ извѣстныхъ сферахъ. Что же касается до группы „духовныхъ христіанъ“ — молоканъ, духоборцевъ, штундистовъ и другихъ сектъ, извѣстныхъ вообще подъ именемъ раціоналистическихъ, то необычайно быстрый ростъ этихъ сектъ признается, кажется, всѣми, за исключеніемъ развѣ авторовъ офиціальныхъ отчетовъ.

Даже иностранцы, посѣщавшіе Россію, поражались необыкновенно быстрымъ развитіемъ этихъ сектъ. Маккензи-Уоллесъ утверждаетъ, что онъ „видѣлъ большія села, въ которыхъ, по свидѣтельству жителей, лѣтъ пятнадцать назадъ, не было ни одного раскольника, а теперь половина населенія — молоканы“ [4]).

---

[1]) „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ 1879 г.
[2]) Газета „Донъ“ 1878 г., № 130.
[3]) Журналъ „Истина“ 1880 г., май и іюнь.
[4]) „Вѣстникъ Европы“ 1877 г. № 5.

Недавно въ одной изъ московскихъ газетъ [1]) помѣщена была статья „о молоканахъ-воскресникахъ Тамбовской губерніи“. Статья эта составлена на основаніи данныхъ и свѣдѣній, собранныхъ существующимъ въ Тамбовской губерніи Богородично-Казанскимъ братствомъ и помѣщенныхъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Вотъ что говоритъ авторъ этой статьи о развитіи молоканства въ Тамбовскомъ краѣ. „Распространяется эта секта *чрезвычайно быстро:* достаточно появиться въ селѣ одной молоканской семьѣ, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ секта охватываетъ половину селенія“. „Изъ среды сектантовъ выдѣляются ревностные апостолы новаго ученія, которые, открыто, не смущаясь угрожающимъ имъ преслѣдованіемъ, идутъ пропагандировать свое ученіе, не только въ окрестныхъ селахъ, но и въ другихъ губерніяхъ“. „Своею горячею проповѣдью, сопровождающеюся всегда ожесточенными нападками на православное духовенство, они *увлекаютъ массы*, и число сектантовъ быстро возрастаетъ“.

„Наиболѣе энергичные поборники молоканства подвергались суровымъ преслѣдованіямъ, ссылались съ семьями въ Сибирь, на Кавказъ, но ни ссылка, ни тюремное заключеніе, никакія кары не могли устрашить фанатиковъ новаго ученія, обаятельнаго для массы по своей простотѣ, и начатое ими дѣло оставалось и жило въ ихъ послѣдователяхъ; ореолъ мученичества за вѣру, окружавшій распространителей секты въ глазахъ народа, способствовалъ еще большему развитію ея въ средѣ простого люда“. „Духовенство оказалось совершенно не въ силахъ дать нравствен-

[1]) „Русскія Вѣдомости“, 1880 годъ, № 54.

ный отпоръ энергичнымъ проповѣдникамъ новаго вѣроученія и ограничивалось обращеніемъ къ помощи полицейскихъ воздѣйствій, что еще больше роняло его авторитетъ въ глазахъ народа, и безъ того не симпатизировавшаго ему". По свидѣтельству автора цитуемой нами статьи, дѣятельность миссіонеровъ, членовъ братства и ихъ сотрудниковъ, въ лицѣ мѣстныхъ священниковъ, „совершенно безсильна по отношенію къ молоканской сектѣ".

„Одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей раскола, священникъ Реморовъ, свидѣтельствуя *о громадныхъ успѣхахъ*, которыхъ достигла въ послѣднее время пропаганда молоканъ въ средѣ православныхъ, недоумѣваетъ о причинахъ этого явленія: „Отъ того ли, спрашиваетъ онъ самого себя, что правительство не столь строго преслѣдуетъ молоканъ за ихъ лжеученіе, какъ въ прежніе годы; или отъ того, что молокане увлекаютъ православныхъ своими льстивыми обѣщаніями помогать бѣднымъ деньгами по переходѣ въ ихъ секту; или обманываютъ православныхъ своими рѣчами о правости ихъ одной вѣры, или такой ужъ духъ времени насталъ, — неизвѣстно, только весьма замѣтно, къ сожалѣнію, большое распространеніе молоканской секты между крестьянами". . . . . .

. . . . . .

„Что за тайная сила въ расколѣ, притягивающая къ себѣ чадъ православной Церкви, для приходскаго священника остается неразъясненною тайной" [1]), — говоритъ одинъ изъ дѣятелей Тамбовскаго миссіонерскаго братства, священникъ

---

[1]) Лѣтопись соборной Преображенской церкви города Спасска. Тамбовъ. 1880 г., стр. 67.

I. Ястребовъ. Онъ горячо протестуетъ противъ мнѣнія, легкомысленно или лицемѣрно высказываемаго нѣкоторыми изъ нашихъ миссіонеровъ о томъ, что „расколъ не нынче, такъ завтра рухнетъ, какъ изветшавшее зданіе“. Онъ доказываетъ, что „явленія въ родѣ открытія въ какомъ-нибудь селѣ единовѣрческой церкви или частныхъ, единичныхъ обращеній изъ раскола въ православіе ровно ничего не доказываютъ; такія явленія встрѣчались издавна и раскола нимало не ослабили“ [1]).

Эти замѣчанія не мѣшало бы принять во вниманіе тѣмъ господамъ, которые по поводу чуть не каждаго случая обращенія изъ раскола въ православіе, начинаютъ кричать о „побѣдахъ православія“, о „вырожденіи и вымираніи раскола“ и т. под. О. Ястребовъ дѣлаетъ рѣзкую, но въ то же время вполнѣ вѣрную и правдивую характеристику подобнымъ „побѣдамъ“. Онъ говоритъ: „въ большинствѣ случаевъ переходятъ въ Церковь либо *какіе-нибудь проходимцы*, которыми тяготится и общество раскольниковъ, либо невѣсты, желающія вступить въ бракъ съ православными женихами, либо, наконецъ, лица, пришибленныя судьбою, которыя ищутъ поддержки и покровительства отъ новыхъ собратій по вѣрѣ и отъ своихъ православныхъ воспріемниковъ. Затѣмъ, по присоединеніи, эти лица пропадаютъ безслѣдно: не увидите ихъ ни въ церкви, ни въ домахъ ихъ, гдѣ смотрятъ на нихъ далеко неблагосклонно. Даже тамъ, гдѣ бы можно и гдѣ бы слѣдовало ожидать пользы для Церкви отъ присоединяющихся къ ней раскольниковъ, и тамъ пользы этой не

[1]) Idem., стр. 73.

оказывается. Напримѣръ, г-жа Карасева (жена богатаго купца г. Спасска), вознамѣрившись перейти въ православіе, при своихъ недюжинныхъ средствахъ и при своемъ вліяніи на раскольниковъ, могла бы увлечь за собою не одинъ десятокъ одновѣрцевъ; однакожъ этого не случилось, — переходъ совершился единичный, безслѣдный“ [1]).

Не въ одной Тамбовской губерніи бросается въ глаза сильное развитіе молоканства. Вполнѣ аналогичныя явленія происходятъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, куда проникло ученіе этой секты. Въ подтвержденіе этого можно указать на цѣлый рядъ корреспонденцій и сообщеній изъ Самарской, Саратовской, Астраханской, Воронежской и друг. губерній.

Но еще гораздо болѣе поразительны успѣхи штундизма.

Ровно двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ деревнѣ Пасѣковой, Херсонской губерніи, появились люди, начавшіе отрицать церкви, священниковъ, посты, мощи, праздники, кресты, иконы и признававшіе и проповѣдывавшіе лишь одно Евангеліе. Они, какъ и предшественники ихъ, молокане, называли себя „духовными христіанами“; духовенство же, заподозрѣвъ тутъ вліяніе нѣмецкихъ колоній, — окрестило ихъ „штундистами“.

Можно ли было думать, чтобы это ученіе, отвергавшее все то, къ чему, — *по общему мнѣнію*, по крайней мѣрѣ, — весь русскій людъ издавна питаетъ благоговѣйную привязанность, чему онъ изстари поклоняется и что онъ считаетъ за свя-

[1]) Лѣтопись соборной Преображенской церкви города Спасска Тамбовъ. 1880 г., стр. 70.

тыню, можно ли было думать, чтобы подобное ученіе нашло себѣ сторонниковъ среди этого народа?.. И что же? Проходитъ два—три года и вотъ, на нашихъ глазахъ, семья за семьею, село за селомъ переходятъ въ „новую вѣру“. Въ самое короткое время эта новая вѣра находитъ десятки тысячъ послѣдователей, горячо убѣжденныхъ, страстно преданныхъ прозелитовъ.

Ученье штундистовъ переходитъ въ Малороссію, населеніе которой искони славилось тѣмъ, что оно всегда было глухо и равнодушно къ пропагандѣ раскола; среди этого населенія до тѣхъ поръ никогда не возникало никакихъ религіозныхъ сектъ или ученій[1]). Но вотъ для штунды малороссы дѣлаютъ исключеніе и сотнями и тысячами пристаютъ къ новому ученію. Въ послѣднее время въ газетахъ то и дѣло встрѣчаются извѣстія о необыкновенно быстромъ развитіи штундизма на югѣ Россіи. „Штундизмъ пріобрѣтаетъ у насъ все болѣе и болѣе послѣдователей“, сообщаетъ, напримѣръ, корреспондентъ „Новаго Времени“ изъ Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи. „Распространеніе штундизма годъ отъ года захватываетъ въ нашемъ уѣздѣ все большій и большій районъ“, пишутъ въ „Русскій Курьеръ“ изъ Таращанскаго уѣзда. „Ни одна секта, — пишутъ изъ Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи,—не пріобрѣтала у насъ столькихъ послѣдователей, какъ штунда“[2]).

Въ настоящее время штунда имѣетъ огромную массу послѣдователей въ большей части малороссійскихъ и новороссійскихъ губерній. Особенно

---

[1]) Единственное исключеніе составляло духоборчество. См. изслѣдованіе г. Новицкаго.

[2]) „Голосъ“, 1879 г., № 22. „Кіевлянинъ“, 1879 г.

же много штундистовъ въ губерніяхъ: Херсонской[1]), Кіевской[2]), Екатеринославской, Полтавской; затѣмъ въ значительномъ количествѣ штундисты встрѣчаются въ Черниговской, Каменецъ-Подольской и Бессарабской губерніяхъ. Есть основаніе полагать, что штунда существуетъ даже на Кавказѣ. Хотя главная масса штундистовъ живетъ по селамъ и деревнямъ, тѣмъ не менѣе многочисленныхъ представителей этой секты можно встрѣтить въ городахъ: Одессѣ, Николаевѣ, Елизаветградѣ и многихъ другихъ. Въ окрестностяхъ этихъ городовъ разсѣяно множество прозелитовъ и послѣдователей штунды. Недавно въ газетахъ сообщалось извѣстіе о томъ, что штунда начала быстро развиваться въ Могилевской губерніи, особенно въ Гомельскомъ уѣздѣ. („Русская Правда“ 1879 года).

Сами штундисты склонны вообще преувеличивать размѣры своей секты. Многіе изъ нихъ, напримѣръ, еще въ 1877 году, утверждали, что общее число ихъ въ Россіи простиралось въ то время до 300.000[3]). Но если мы даже для настоящаго времени примемъ только третью часть этого числа, то и тогда получимъ огромную цифру въ 100.000... И это въ какія-нибудь десять-двѣнадцать лѣтъ! . . . . . .

Но раціонализмъ не довольствуется тѣмъ, что завладѣлъ югомъ, онъ шагнулъ на крайній сѣверъ и въ то же время выступилъ въ центрѣ Россіи. Въ 1879 году въ газетахъ сообщено

---

[1]) Преимущественно въ уѣздахъ: Елизаветградскомъ, Одесскомъ и Александрійскомъ.

[2]) Преимущественно въ уѣздахъ: Таращанскомъ, Сквирскомъ, Звенигородскомъ и Кіевскомъ.

[3]) „Русская Правда“ 1879 г.

было о появленіи въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи особой секты, не имѣющей, *повидимому*, ничего общаго съ распространеннымъ тамъ старообрядчествомъ[1]). По словамъ мѣстнаго корреспондента, нѣкоторые находятъ въ ученіи новой секты сходство съ квакерствомъ, другіе — съ молоканствомъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что вновь возникшая секта имѣетъ характеръ раціоналистическій: послѣдователи ея отрицаютъ церкви, священниковъ, видимое моленіе, а иконы разрубаютъ, выносятъ изъ домовъ и бросаютъ въ рѣку. „Секта эта,— замѣчаетъ корреспондентъ,— появившись вначалѣ въ одномъ изъ селеній Ухтинскаго прихода, начала быстро развиваться, и вскорѣ бо̀льшая часть прихожанъ примкнула къ новому ученію“. При этомъ корреспондентъ предвидитъ и предсказываетъ дальнѣйшіе успѣхи секты, такъ какъ „мѣстное населеніе, въ силу весьма многихъ условій, представляетъ какъ нельзя болѣе благопріятную почву для развитія разныхъ отрицательныхъ ученій, въ родѣ молоканства и т. п.“ Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о томъ, что сталось съ этой сектою въ настоящее время.

Болѣе точныя и подробныя свѣдѣнія имѣются о появленіи раціонализма въ центральныхъ губерніяхъ. Въ Калужской губерніи, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась особая секта духовныхъ христіанъ, послѣдователей которой народъ назвалъ „воздыханцами“. О сектѣ этой весьма мало извѣстно въ нашемъ обществѣ, хотя ученіе ея заслуживаетъ самаго серіознаго

---

[1]) „Русская Правда“ 1879 г., № 89.

вниманія по замѣчательно-смѣлой послѣдовательности и строгой логичности выводовъ. Въ виду этого мы скажемъ о ней нѣсколько словъ.

„Понимать слово Божіе, — говорятъ воздыханцы, — надобно духовно. Точно такъ же и молиться Богу—Духу нужно духовно; всякія внѣшнія дѣйствія поклоненія Богу не имѣютъ никакого значенія. Поэтому и церкви совершенно не нужны; не нужны также ни священнодѣйствія, ни приношенія, ни внѣшніе обряды; нѣтъ никакой нужды ходить въ церковь, не нужно принимать какія-либо таинства и освященія. И что такое церковь? Такъ себѣ — одно простое зданіе, „овощное хранилище“.

— Не думайте, — говорятъ воздыханцы православнымъ, — что чухвистуя (т.-е. крестясь) на свои храмы, вы молитесь Богу, — нѣтъ, вы камнямъ молитесь. Молись не въ храмѣ, а втайнѣ. Иконамъ точно такъ же поклоняться не слѣдуетъ, ибо — что такое иконы? Бездушное вещество, а не Богъ. Креститься, т.-е. изображать на себѣ крестное знаменіе, не слѣдуетъ: оно ничего не значитъ.

Священники православные, по ученію воздыханцевъ, — это слуги антихриста, и священнодѣйствія, совершаемыя ими, суть дѣйствіе обмана и корыстолюбія. Крещеніе младенцевъ есть не что иное, какъ простое омовеніе тѣла. Крестовъ воздыханцы на себѣ не носятъ, православныхъ же укоряютъ за это, говоря, что они носятъ на себѣ куски мѣди, серебра и золота, но не крестъ,— истинный крестъ въ сердцѣ человѣка. О покаяніи говорятъ: „Зачѣмъ ходить на исповѣдь? Развѣ можетъ такой же человѣкъ снимать грѣхи? Всякій самъ, какъ упалъ, такъ и поднимется; а

подниматься надобно такъ: когда ложишься спать, то припомни все содѣянное тобою и воздохни къ живому Богу, и проститъ тебя Богъ.

Бракъ, — говорятъ воздыханцы, — не нуженъ. „Выбирай себѣ жену, какую хочешь, и живи съ нею, какъ хочешь: грѣха въ томъ никакого нѣтъ“. Посты называютъ „просто людскою выдумкою“. „Что Богъ далъ, тѣмъ наслаждайся, а что вредно, того отвращайся“, говорятъ воздыханцы. „Молиться можно и безъ поста, была бы душа чиста“.

— Вы думаете, — говорятъ они съ насмѣшкою православнымъ, — угодить Богу тѣмъ, что грибы да рѣдьку ѣдите, — нѣтъ только изморите себя. Постъ остался въ обрядахъ монастырскихъ; монахи пусть и соблюдаютъ его, — они обрекли себя на это, а намъ, мірскимъ людямъ, при постоянной работѣ, постъ пользы не приноситъ. Вола, т.-е. тѣло, надобно кормить, чтобъ оно возило душу, доколѣ будетъ жить на землѣ. Ѣшь и пей, когда и что тебѣ угодно [1]).

Впервые эта секта появилась въ г. Калугѣ. Основателемъ ея считается башмачникъ И. А—ъ, бывшій прежде старообрядческимъ начетчикомъ. Этотъ И. А—ъ одна изъ тѣхъ даровитыхъ и энергическихъ натуръ, которыми такъ богатъ сектантскій міръ. „Число послѣдователей А. постоянно увеличивается новообращенными изъ купеческаго и мѣщанскаго сословій Калуги, а также изъ крестьянъ окружныхъ селъ и деревень. Ученіе воздыханцевъ пропагандируется весьма успѣшно; въ настоящее время особенно

---

[1]) Ученіе воздыханцевъ изложено нами по статьѣ „Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1873 годъ, № 3.

усилилась пропаганда воздыханцевъ въ простомъ народѣ". „По кабакамъ, харчевнямъ и на улицахъ въ праздничные дни нерѣдко вы слышите проповѣди воздыханцевъ. А близъ Тульской заставы въ нѣкоторыхъ домахъ споры воздыханцевъ съ другими сектантами доходятъ нерѣдко чуть не до драки". Изъ Калуги проповѣдь воздыханцевъ перешла въ другіе уѣзды, и въ послѣднее время эта секта сильно распространяется среди населенія Боровскаго и Малоярославецкаго уѣздовъ [1]).

Или вотъ, напримѣръ, только что появившаяся въ Тверской губерніи секта сютаевцевъ. Послѣдователи ея не посѣщаютъ православной церкви, не признаютъ православныхъ обрядовъ, таинствъ, священства, не вѣруютъ въ Пресвятую Троицу [2]). Евангеліе (переведенное на русскій языкъ) сютаевцы знаютъ почти наизусть, постоянно цитируютъ его и *толкуютъ все по-своему и въ духовномъ смыслѣ*. Они стараются уложить свою жизнь въ нравственныя рамки св. Евангелія. Человѣкъ, по ихъ убѣжденію, созданъ по подобію Божію и представляетъ изъ себя нерукотворенный храмъ Господень; онъ долженъ блюсти себя въ идеальной чистотѣ, чтобы не осквернить его и не изгнать Бога, всегда пребывающаго въ этомъ храмѣ. Иконъ за святыню не признаютъ. Церковь, говорятъ сютаевцы, не нужна, — она въ насъ. Они отрицаютъ бракъ, крещеніе, исповѣдь, посты, погребеніе (?) и мvропомазаніе. Перестали ходить въ церковь, потому что ничего поучительнаго

---

[1]) „Калужскія Епархіальныя Вѣдомости", 1873 г.

[2]) Послѣднее, впрочемъ, едва ли вѣрно, такъ какъ въ той же корреспонденіи сообщается, что сютаевцы признаютъ катихизисъ Филарета и книги Тихона Задонскаго.

вынести изъ нея не могли. Церковная служба, говорятъ они, происходитъ на непонятномъ языкѣ, Евангеліе читается на томъ же языкѣ, безъ всякихъ толкованій.

— Почему бы и не ходить въ церковь, — говорятъ сютаевцы, — дайте намъ такихъ священниковъ, какихъ требуетъ Евангеліе, и мы пойдемъ къ нимъ и за ними. Седьмая глава посланія къ евреямъ указываетъ, что священники должны быть святыми и не причастными злу.

Вообще, ученіе сютаевцевъ, по замѣчанію корреспондента, имѣетъ много общихъ сторонъ съ штундизмомъ. Вся многочисленная семья Василія Сютаева оставила православіе и прониклась воззрѣніями главаря своего. Помимо родныхъ, у Сютаева „много послѣдователей, которыхъ онъ увлекъ не проповѣдями своими, но своею безупречною жизнію“. По послѣднимъ извѣстіямъ, ученіе сютаевцевъ, несмотря на возбужденное противъ нихъ судебное преслѣдованіе, быстро распространяется среди крестьянъ Новоторжскаго уѣзда.

Такова жизнь, таковы факты дѣйствительности. . . . . .
. . . . . .

III.

Темныя и свѣтлыя стороны раскола.

Безчисленное множество сектъ, изъ которыхъ состоитъ русскій расколъ, можно подраздѣлить на три главныя группы: на секты старовѣрческія раціоналистическія и мистическія. Первая изъ этихъ группъ,—старовѣріе, въ свою очередь подраздѣляется на два главные отдѣла: на поповщину и безпоповщину. Безпоповщину составляютъ слѣдующія главныя секты:

1) Поморская или Даниловская.
2) Ѳедосѣевская.
3) Филипповская.
4) Спасовская (нѣтовцы).
5) Странническая (бѣгуны).
6) Немолицкая (немоляки).

Секты раціоналистическія, или иначе секты „духовныхъ христіанъ", распадаются на: духоборцевъ, субботниковъ, молоканъ, штундистовъ, баптистовъ и т. д.

Наконецъ, къ группѣ мистическихъ сектъ относятся: хлысты, скопцы, скакуны, прыгуны и друг.

Всѣ эти группы раскола отнюдь не стоятъ какими-нибудь изолированными особняками, а напротивъ, черезъ посредство своихъ крайнихъ, конечныхъ развѣтвленій довольно близко и тѣсно переплетаются между собою и, такимъ образомъ,

до извѣстной степени составляютъ одно цѣлое. Хотя эта взаимная связь весьма многими сектами до сихъ поръ еще не сознается, тѣмъ не менѣе отрицать присутствіе этой связи рѣшительно невозможно. Можно указать на цѣлый рядъ общихъ принциповъ, общихъ взглядовъ и положеній, которые одинаково исповѣдываются какъ филипповцемъ, такъ и штундистомъ, какъ молоканомъ, такъ и немолякомъ и т. д.

Между тѣмъ въ нашемъ обществѣ чрезвычайно распространено мнѣніе о томъ, что всѣ наши такъ называемыя раціоналистическія секты, въ родѣ молоканства и штунды, занесены къ намъ извнѣ, съ запада, что онѣ совершенно чужды чисто народному русскому духу, носителемъ котораго выставляется старообрядчество, ставящее будто бы выше всего внѣшнюю обрядность; далѣе говорятъ, что эти секты или „ереси“, возникнувъ подъ вліяніемъ нѣмецкихъ протестантскихъ колоній, не имѣютъ будто бы ничего общаго съ нашимъ русскимъ расколомъ. Подобныя мнѣнія нерѣдко высказываются даже представителями науки, членами ученыхъ обществъ и т. д. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Не сказывается ли въ этихъ мнѣніяхъ наша старая привычка валить на западъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда намъ вдругъ приходится сталкиваться съ какимъ-нибудь новымъ, крупнымъ и оригинальнымъ явленіемъ въ нашей жизни? Неужели, помимо всякаго вліянія запада, нашъ народъ не могъ самъ собою додуматься до отрицанія тѣхъ или другихъ формъ, обрядностей и установленій, почему-нибудь стѣсняющихъ его? И не странно-ли появленіе всякой новой здравой идеи приписывать всегда непремѣнно вліянію запада? Вѣдь слѣдуя этимъ пу-

темъ, можно пожалуй начать доказывать, что и „дважды два — четыре“ мы тоже заимствовали отъ запада. Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ историческія изысканія о первоначальномъ появленіи и развитіи у насъ раціоналистическихъ сектъ, но считаемъ необходимымъ замѣтить, что мнѣніе о западномъ происхожденіи молоканства и духоборства, во всякомъ случаѣ, должно считать не больше какъ гипотезою (и притомъ крайне сомнительною), такъ какъ до сихъ поръ въ доказательство этого мнѣнія рѣшительно не приведено никакихъ сколько-нибудь точныхъ, неоспоримыхъ данныхъ и фактовъ. Какъ извѣстно, молоканство возникло первоначально въ Тамбовской губерніи, между тѣмъ въ этой губерніи совсѣмъ нѣтъ и никогда не было протестантскихъ колоній. Основатель молоканства Семенъ Матвѣевичъ Уклеинъ былъ первоначально духоборцемъ, но затѣмъ отдѣлился отъ этой секты и основалъ новую, имѣющую однако весьма много общаго съ ученіемъ духоборцевъ.

Въ свою очередь и штунда врядъ ли можетъ считаться чѣмъ-то заноснымъ, чуждымъ. „Новѣйшая штунда, говоритъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ [1]), возникла на почвѣ прежняго молоканства-духоборства, поэтому она и отличается совершенно такимъ же характеромъ, какимъ отличались молокано-духоборческія секты“. „Изъ сличенія прежняго духоборчества и нынѣшней штунды нельзя не видѣть, что послѣдняя не есть какое-нибудь новое, завезенное и пресаженное съ запада явленіе, какъ обыкновенно о ней думаютъ, а есть только видоизмѣненіе прежней молокано-

[1]) „Руководство для сельскихъ пастырей“ № 10.

духоборческой секты, принявшей новое названіе и утвердившейся на новой почвѣ. Итакъ, новѣйшая штунда есть не что иное, какъ отпрыскъ давнишней молокано-духоборческой секты“ [1]). По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что штундисты вовсе не принимали „новаго названія“; сами же они называютъ себя, какъ мы уже замѣтили, „духовными христіанами“. Извѣстно, что и молокане и духоборцы точно такъ же называютъ себя „духовными христіанами“.

Если даже и допустить, что на возникновеніе молоканства или штунды оказали какое-нибудь вліяніе нѣмецкія протестантскія колоніи, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что какъ молоканство, такъ и штунда пошли въ своихъ выводахъ гораздо дальше нѣмцевъ. „Молокане, — говоритъ г. Костомаровъ, — въ нѣкоторыхъ взглядахъ шагнули далѣе протестантовъ; нѣмецкіе пасторы, послѣ бесѣдъ съ молоканами, сознавались, что между ихъ сектою и западнымъ протестантизмомъ мало общаго“. Тотъ же г. Костомаровъ передаетъ слѣдующее. Одинъ молоканинъ отправился было къ гернгутерамъ въ Сарепту, сталъ излагать тамошнему пастору свое ученіе и спрашивалъ: не похоже ли оно на гернгутерское?

— Ты мужикъ, — отвѣчалъ ему благоразумный пасторъ. — Не твое дѣло разсуждать о вѣрѣ; въ какой вѣрѣ ты родился, той и держись; какъ тебѣ царь приказываетъ вѣрить, такъ и вѣрь [2]).

О томъ, какъ далеко шагнули малороссы-штундисты въ своихъ религіозно-соціальныхъ воззрѣ-

---

[1]) „Херсонскія Епархіальн. Вѣдомости“ 1876 г., № 8.

[2]) „Отечествен. Записки“ 1869 г., № 3. Статья Костомарова, стр. 73.

ніяхъ сравнительно съ нѣмецкими сектантами,— мы уже говорили выше.

Далѣе, говорятъ, будто наше такъ-называемое старовѣріе не имѣетъ ничего общаго съ сектами раціоналистическаго характера. Однако, при ближайшемъ знакомствѣ съ расколомъ, нетрудно убѣдиться, что подобное мнѣніе не выдерживаетъ критики. Въ самомъ дѣлѣ, можно указать на цѣлый рядъ сектъ, прямо возникшихъ на почвѣ безпоповщины и въ то же время проникнутыхъ духомъ раціонализма нисколько не меньше, чѣмъ молоканство или штунда. Таковы, напримѣръ, секты немоляковъ, воздыханцевъ и нѣкоторыя другія. Всѣ эти секты возникли внѣ всякаго посторонняго вліянія, въ родѣ протестантскихъ колоній или сношеній съ иностранцами, и при всемъ томъ, по своимъ основнымъ принципамъ, какъ нельзя болѣе сходны съ ученіями раціоналистическихъ сектъ въ родѣ штунды.

Мы уже говорили объ ученіи воздыханцевъ и видѣли, что основателемъ ея явился бывшій старообрядческій начетчикъ, житель г. Калуги, И. А—въ. Что касается немоляцкой секты, то она первоначально возникла въ землѣ Войска Донского, также безъ всякаго участія постороннихъ вліяній, вполнѣ самобытно. Основателемъ ея считается донской казакъ Гавріилъ Зиминъ, житель Ѳедосѣевской станицы. Зиминъ съ малолѣтства былъ старообрядцемъ-поповцемъ, затѣмъ перешелъ въ безпоповскую секту. „Пребывая въ оной, — говоритъ В. С. Толстой, — и изыскивая по старопечатнымъ книгамъ разныя толкованія, Зиминъ началъ изъяснять совершенно неслыханное ученіе, которое хотя и основано на священномъ писаніи, но такой секты еще нигдѣ не

было“ [1]). Сущность ученія немоляковъ состоитъ въ томъ, что они, какъ показываетъ самое названіе ихъ, не молятся Богу, не произносятъ и не читаютъ никакихъ молитвъ, не признаютъ не только внѣшняго, но и внутренняго богопочитанія. Священное писаніе, говорятъ немоляки, должно быть все, безъ исключенія, понимаемо *въ духовномъ смыслѣ*. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ ученіе немоляковъ сходно съ изложеннымъ уже нами ученіемъ воздыханцевъ, которое, по своимъ раціоналистическимъ воззрѣніямъ, во многихъ отношеніяхъ идетъ дальше штунды и молоканства.

Власти не замедлили привлечь Зимина къ слѣдствію, какъ составителя вредной секты. Зиминъ имѣлъ георгіевскій крестъ; явившись къ допросу, онъ самъ снялъ этотъ крестъ и отдалъ его начальству. Въ 1837 году Зиминъ былъ сосланъ въ Закавказскій край; дальнѣйшая судьба его, къ сожалѣнію, неизвѣстна. Точно такъ же совершенно неизвѣстно, какъ велика въ настоящее время численность немоляковъ. Однако имѣются нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно заключить, что секта эта распространилась въ разныхъ концахъ Россіи. Г. Андреевъ говоритъ, что она открыта была въ 1845 году въ Одессѣ; въ 1867 году въ Вятской губерніи, въ Сарапульскомъ уѣздѣ, къ сектѣ немоляковъ стали примыкать цѣлыя селенія. Начальство, въ видахъ ея искорененія, стало сажать главныхъ виновниковъ въ острогъ. Тогда немоляки стали являться къ мѣстнымъ властямъ толпами, съ просьбою о заключеніи ихъ въ острогъ. Толпы эти были до того значительны, что, по недостатку помѣщенія,

[1]) Чтенія въ Императ. Обществѣ Истор. и Древн. 1864 г. кн. 4, стр. 123.

пришлось отказать многимъ изъ нихъ въ исполненіи ихъ желаній [1]). Въ недавнее время немоляки явились въ Нижегородской губерніи. По этому поводу г. Гацисскій замѣчаетъ, что „во многихъ селеніяхъ почва для новой вѣры совсѣмъ расчищена“ [2]).

Или вотъ, напримѣръ, въ 1862 г., около села Кимры, Корчевскаго уѣзда, заселеннаго старообрядцами, появляются люди, которые, называя себя „Христовыми учениками вѣры Христовой каѳолической“, начинаютъ проповѣдывать новое, неслыханное въ тѣхъ мѣстахъ ученіе. Они отрицаютъ всю внѣшность религіи, считая ее необходимою для христіанъ, „еще въ младенчествѣ сущихъ“, и безусловно ненужною, лишнею для христіанъ „совершенныхъ“. Объ этомъ нравственномъ совершенствѣ долженъ каждый пещись по слову Спасителя: „*будете совершени*“ и проч. Для такихъ христіанъ нужны лишь Евангеліе, молитва духомъ и „удаленіе отъ всякой скверны житейской“. При этомъ проповѣдники и пропагандисты новаго этическаго ученія развивали ту мысль, что „для всякаго народа требуется обновленіе по заповѣдямъ Христовымъ, что для этого настала теперь самая лучшая пора и т. п.“ [3]). Священникъ Беллюстинъ, сообщая о появленіи этого ученія, замѣчаетъ, что ученіе это „быстро разносилось“ и „жадно принималось“ крестьянами, не только раскольниками, но и православными.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ ясно видно, что ученія этико-раціоналистическаго характера вовсе не

---

[1]) „Слово“ 1878 г. № 8. Статья г., Юзова, стр. 106.
[2]) „Древняя и Новая Россія“, 1877 г., № 11, стр. 274.
[3]) „Русскій Вѣстникъ“, 1865 г., № 6. Статья Беллюстина. „Слово“ 1878 г. № 8.

чужды духу русскаго народа вообще и въ частности нашего старовѣрія, видно, что въ сердцѣ народа давно уже назрѣло и накипѣло недовольство противъ мертвой схоластики и тупой приверженности къ буквѣ. Постоянное возникновеніе изъ среды безпоповщины новыхъ ученій съ явно раціоналистическимъ направленіемъ и быстрое распространеніе этихъ сектъ въ средѣ старообрядцевъ ясно доказываетъ, что ученія безпоповцевъ не заключаютъ въ себѣ началъ неподвижности, застоя и закоснѣлости. Поэтому Кельсіевъ былъ въ значительной степени правъ, утверждая, что „почти всѣ безпоповщинскія секты допускаютъ, какъ и протестанты, полную свободу изслѣдованія и основываютъ свое ученіе не на преданіи, а на логическомъ выводѣ“ [1]). Не менѣе правъ также и покойный Юзовъ въ своихъ выводахъ, къ которымъ приходитъ онъ въ своей статьѣ „Старовѣріе“. Вотъ какъ резюмируетъ онъ эти выводы: „Передовая часть безпоповщины проповѣдываетъ религіозный раціонализмъ, а остальная находится на пути къ нему; эта послѣдняя не можетъ остановиться на полпути, такъ какъ вражда ко всякой іерархіи не даетъ возможности сковать и закрѣпить ихъ религіозныя воззрѣнія. Право свободнаго толкованія священныхъ книгъ вошло въ ихъ плоть и кровь, а тамъ, гдѣ всякій мыслящій человѣкъ имѣетъ право разрѣшать свои религіозныя воззрѣнія, опираясь на свое собственное пониманіе текста священныхъ книгъ, тамъ раціонализму — раздолье“ [2]).

---

[2]) „Сборникъ правител. свѣдѣній о расколѣ“. Вып. I, предисловіе.

[1]) Статья Юзова „Старовѣріе“, „Слово“ 1878 г. №№ 7 и 8.

Въ нашей печати слишкомъ много и часто писалось (да и до сихъ поръ пишется) о разнаго рода темныхъ сторонахъ раскола. Много усилій употреблялось для того, чтобы уронить, унизить его въ глазахъ народа и общества. Но при этомъ почти совсѣмъ не обращалось вниманія на причины, вызывавшія тѣ или другія уродливости въ ученіяхъ различныхъ сектъ; свѣтлыя же стороны раскола намѣренно игнорировались. Въ укоръ русскому сектантству ставились нерѣдко такія вины и преступленія, въ которыхъ оно собственно никогда не было повинно. Возьмите для примѣра хлыстовщину и скопчество. Сколько толковалось на тему о томъ, что только нашъ темный, невѣжественный народъ могъ создать, могъ додуматься до этихъ дикихъ, противоестественныхъ ученій, съ ихъ чудовищными операціями и радѣніями, кончающимися „свальнымъ грѣхомъ“. И что же? Оказывается, что эти ученія вовсе не изобрѣтенія русскаго народа, что они, возникнувъ въ Византійской имперіи, были извѣстны тамъ уже во II и въ III столѣтіи по Р. Хр. и съ тѣхъ поръ никогда совершенно не прекращались и не исчезали. Основываясь на томъ текстѣ священнаго писанія, въ которомъ говорится, что лучше отрѣзать одинъ соблазняющій тебя членъ, нежели совсѣмъ угодить въ геенну огненную, скопцы рѣшаются съ буквальною точностію слѣдовать словамъ писанія.

Какъ ни странно, ни темно это ученіе, тѣмъ не менѣе и въ немъ обнаруживается несомнѣнное прогрессированіе, и въ немъ проглядываютъ первыя проявленія раціонализма. И здѣсь является отпоръ буквальному толкованію священнаго писанія, и здѣсь начинаютъ все болѣе и болѣе

склоняться къ мысли о необходимости понимать слово Божіе *духовно*. Скопческіе процессы послѣдняго времени доказываютъ, что новѣйшіе и болѣе выдающіеся апостолы скопчества начинаютъ признавать духовное оскопленіе, — „обрѣзаніе сердца отъ злыхъ дѣлъ и помышленій“. Нерѣдко бывали случаи, что самые столпы этой секты отсовѣтывали своимъ неофитамъ физическое оскопленіе [1]).

Затѣмъ въ недавнее время изъ среды скопческой секты выдѣлилась весьма значительная часть ея послѣдователей, которые, называя себя „духовными скопцами“, категорически отвергаютъ физическое оскопленіе и проповѣдываютъ обыкновенное воздержаніе отъ плотскихъ сношеній съ женщинами путемъ силы воли. Ученіе это, появившись въ началѣ во Владимірской губерніи, все сильнѣе и сильнѣе распространяется среди скопцовъ; такимъ образомъ одна изъ самыхъ „возмутительныхъ“ сектъ мало-по-малу утрачиваетъ свой первоначальный характеръ и постепенно обращается въ такое ученіе, которое нисколько не противно православію, такъ какъ „духовные скопцы“, въ сущности, тѣ же монахи, дающіе обѣтъ вѣчнаго безбрачія и воздержанія.

Но на этомъ не останавливается прогрессивное движеніе, проникшее въ среду мистическихъ сектъ, въ родѣ скопчества и хлыстовщины. На югѣ Россіи, по свидѣтельству г. Емельянова, замѣчается постоянное превращеніе скопцовъ (бѣлыхъ голубей) въ хлыстовъ (сѣрыхъ голубей), а эти послѣдніе, въ свою очередь, дробятся на различные толки и превращаются въ молоканъ

[1]) „Отечествен. Записки“, 1878 годъ, № 3. Статья г. Емельянова.

съ бо̀льшей или меньшей примѣсью мистической хлыстовщины. Наконецъ, въ послѣднее время мистическій элементъ совершенно отступаетъ на задній планъ и даетъ мѣсто болѣе опытнымъ способамъ доказательствъ. Раціонализмъ, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе входитъ въ свои права, и хлыстовствующее молоканство постепенно переходитъ въ штундизмъ, вполнѣ свободный какъ отъ византійскаго мистицизма, такъ и отъ нѣмецкаго піэтизма [1]).

Если же скопцы и т. п. фанатики-пуритане, несмотря на всѣ гоненія, не исчезаютъ со сцены народной жизни, то не слѣдуетъ ли видѣть въ самомъ существованіи ихъ протеста противъ общественной развращенности, противъ деморализаціи нашихъ нравовъ? Когда нравственная испорченность слишкомъ явно поднимаетъ свою голову, всегда являются суровые люди, ригористы, неумолимые проповѣдники, которые тѣмъ строже и тѣмъ требовательнѣе, чѣмъ глубже и сильнѣе душевное растлѣніе общества. Если въ своемъ увлеченіи они впадаютъ въ крайность, доходятъ до изувѣрства, то въ ихъ заблужденіи виновата не нравственная природа, не чувство, ищущее правды, а мысль, не умѣющая найти отвѣтовъ на вопросы. Такъ было во всѣ времена исторіи народовъ. Вспомните исторію стоиковъ и пуританъ, первыхъ аскетовъ христіанства и аскетовъ послѣдующихъ вѣковъ.

— Не для корысти, не для почестей поступалъ я такъ,—говорилъ одинъ скопецъ на судѣ присяжныхъ,—а для души. Въ самой своей молодости искалъ я спасенія, искалъ правды и

[1]) „Отечеств. Записки“, 1878 г., № 3.

нашелъ ее. Я крѣпко убѣдился въ этомъ и потому не считаю себя грѣшнымъ ни предъ Творцомъ, ни передъ вами.

Въ числѣ свѣтлыхъ сторонъ нашего сектантства слѣдуетъ указать на его семейный и домашній бытъ. Извѣстно, что въ безпоповщинскихъ сектахъ женщина пользуется значительной долей самостоятельности. Въ нихъ женщины весьма часто являются наставницами, начетчицами; нерѣдко имъ принадлежитъ главная руководящая роль въ той или другой раскольнической общинѣ. Въ Архангельской губерніи мы знаемъ скитъ, въ которомъ „большакомъ“ является женщина; уже много лѣтъ управляетъ она этимъ скитомъ, хотя послѣдній населенъ не однѣми женщинами, но и мужчинами. Что касается новѣйшихъ сектъ, то въ нихъ положеніе женщинъ и дѣтей и взаимныя отношенія членовъ семьи между собою рисуются въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ.

Вотъ, напримѣръ, что говоритъ о штундистской семьѣ одинъ изслѣдователь этой секты. „Споры и раздоры въ ней рѣдки и исключительны. Проявленія власти и насилія точно такъ же. Мужъ и жена совершенно равноправныя лица. И тотъ, и другая имѣютъ одинаковое право и въ собраніяхъ, и въ жизни. На собраніяхъ женщины являются въ тѣхъ же роляхъ, какъ и мужчины, т.-е. поютъ псалмы и пѣсни, говорятъ проповѣди, импровизируютъ молитвы, комментируютъ и уясняютъ смыслъ священнаго писанія. Дома онѣ не только хозяйки, но и вообще полновластныя лица. Короче, въ семьѣ фактически существуетъ полнѣйшая равноправность между всѣми: — между женой и мужемъ, родителями и дѣтьми. Родительская власть не принимаетъ крутыхъ и рѣз-

кихъ оттѣнковъ даже при воспитаніи дѣтей. Штундисты стараются дѣйствовать на дѣтей словами и убѣжденіями, вліяніемъ на умственную и нравственную стороны ихъ жизни и вообще живымъ примѣромъ истиннаго христіанина, человѣка любящаго; поэтому они почти никогда не наказываютъ своихъ дѣтей [1])".

Порядки, установившіеся въ штундистской семьѣ, не представляютъ собою „отраднаго исключенія"; много сходнаго съ этими порядками можно встрѣтить въ семейномъ строѣ многихъ другихъ сектъ. У молоканъ, напримѣръ, семейный деспотизмъ совсѣмъ не имѣетъ мѣста; даже при заключеніи браковъ, при женитьбѣ и выходѣ въ замужство свобода дѣтей нимало не стѣсняется родителями. А если бы что-нибудь подобное случилось, то дѣти всегда могутъ жаловаться общинѣ или собранію, которое и возстановляетъ нарушенныя права.

В. Н. Майновъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о бракахъ молоканъ и объ отношеніи семьи къ общинѣ. „Сговорившіеся молодые люди объявляютъ о своемъ рѣшеніи жить вмѣстѣ сначала родителямъ невѣсты, а затѣмъ родителямъ жениха. Въ первое слѣдующее за этимъ собраніе родители жениха и невѣсты сообщаютъ о рѣшеніи дѣтей своихъ передъ общиною. При этомъ родители играютъ роль чисто пассивную; препятствовать браку они не имѣютъ права, и даже если бы они вздумали пристращать дѣтей лишеніемъ наслѣдства, то и это не могло бы предотвратить брака, такъ какъ молодые люди могутъ тогда жаловаться на родителей собранію". Это послѣд-

[1]) „Недѣля" 1877 г., № 2, стр. 60.

нее, обсудивъ жалобу и разобравъ дѣло, „разрѣшаетъ бракъ помимо воли родителей и производитъ своей властью выдѣлъ изъ имущества родителей извѣстной доли, достаточной для обзаведенія четы. Иногда даже на все имущество такихъ упрямствующихъ родителей налагается нѣчто въ родѣ запрещенія, или, вѣрнѣе, опеки, чтобы помѣшать лишенію дѣтей ихъ доли, посредствомъ продажи имущества заблаговременно въ чужія руки“ [1]).

Мы уже упоминали, что въ первое время развитія раскола думали покончить съ нимъ жестокими гоненіями и преслѣдованіями. Это не удалось. Расколъ не только не ослабѣлъ, но, наоборотъ, онъ разросся, пустилъ корни всюду, онъ обхватилъ большую часть Россіи, проникъ въ столицы, укрѣпился на окраинахъ, свилъ гнѣздо въ самомъ сердцѣ Россіи. Гоненія сослужили службу мѣховъ, которые раздули искры въ огонь, въ страшное пламя, и это пламя охватило половину Россіи. Времена перемѣнились. Пытки и казни въ дѣлѣ совѣсти и религіи сдѣлались достояніемъ исторіи. Подъ вліяніемъ идей терпимости и гуманности борьба съ расколомъ мало-по-малу принимаетъ иной характеръ,—характеръ мирной пропаганды путемъ миссій и братствъ.

. . . . . .

Такимъ образомъ расколъ усиливается, несмотря ни на суровое, ни на снисходительное отношеніе къ нему государства. . . . . .

. . . . . .

Затѣмъ много надеждъ возлагается на школы. Школы, грамотность, просвѣщеніе должны уничто-

[1]) „Знаніе“, 1874 г. № 3, статья Майнова. „Бракъ и положеніе женщины у молоканъ“.

жить расколъ, стереть его съ лица земли. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ и пишутъ люди, претендующіе на знаніе народнаго духа и характера. Однако жизнь, дѣйствительность отнюдь не оправдываетъ этихъ розовыхъ надеждъ. Липранди говоритъ, что „кругъ дѣйствій безпоповцевъ съ просвѣщеніемъ не уменьшился, но распространилъ свой объемъ“ [1]). Другой изслѣдователь раскола, Синицынъ, говоритъ: „Распространяемая школами общая грамотность обращается болѣе во зло, чѣмъ въ пользу православія. Тамъ, гдѣ училища существуютъ, расколъ гораздо злокачественнѣе: общая грамотность служитъ сильнымъ орудіемъ къ поддержанію его“ [2]). „Есть раскольники, обрившіе бороду, надѣвшіе фракъ, но, тѣмъ не менѣе, остающіеся въ средѣ раскола“ [3]). Изъ Верейскаго уѣзда, Московской губерніи, недавно сообщалось въ газетахъ, что „хотя раскольники охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ школы, но опытъ показываетъ, что школа не только не способствуетъ примиренію раскола съ православною Церковью, напротивъ, обучавшіеся въ школахъ дѣлаются со временемъ самыми ревностными раскольниками, пріобрѣтая къ тому же и нѣкоторый авторитетъ въ своей средѣ, благодаря, именно, своей грамотности“ [4]).

Вообще сектанты давно уже сознали крайнюю необходимость грамотности и печатнаго слова. Недавно „Русскія Вѣдомости“ сообщали, что „въ мѣстности, прилегающей къ Гуслицамъ, Богород-

---

[1]) „Краткое обозрѣніе рус. расколовъ“. Москва. 1870 г.
[2]) „Русскій Архивъ“ 1866 г., № 4.
[3]) „Записки Синицына“. Сборникъ Кельсіева. Вып. IV, стр. 167.
[4]) „Русскія Вѣдомости“ 1880 г.

скаго уѣзда, почти сплошь заселенной старообрядцами, грамотность составляетъ почти всеобщее достояніе". Синицынъ говоритъ, что у раскольниковъ 1 грамотный приходится на 3 человѣка неграмотныхъ" [1]). Изъ Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, писали: „Здѣшніе старообрядцы весьма сочувственно отнеслись къ появленію раскольнической газеты „Старообрядецъ", которая получается здѣсь многими изъ безпоповцевъ. Въ недавнее время между старообрядцами состоялась даже подписка въ пользу изданія помянутой газеты, и собранная сумма отослана по принадлежности" [2]).

У раскольниковъ есть свои школы, свои учителя, своя литература. Будучи совершенно лишены права открыто печатать и издавать свои книги, они заводятъ тайныя типографіи, и организуютъ это дѣло такъ, что, несмотря на строгій надзоръ полиціи, духовныхъ и гражданскихъ властей; типографіи эти существуютъ цѣлые десятки лѣтъ и издаютъ цѣлыя тысячи томовъ. Въ нѣкоторыхъ сектахъ школьное дѣло ставилось на весьма прочныхъ началахъ. У общихъ, напримѣръ, по словамъ Толстого, въ каждой слободѣ были учреждены особыя училища, въ которыя обязаны были отдавать своихъ дѣтей всѣ родители „общаго ученія". Книги и бумага, потребныя для школъ, покупались на общественныя суммы" [3]).

Въ сектахъ позднѣйшаго происхожденія стремленія къ развитію и просвѣщенію сказываются еще сильнѣе и ярче. „Ближайшее знакомство съ исторіей распространенія штунды, — пишетъ одинъ

---

[1]) „Сборникъ правит. свѣд. о раскол." Вып. IV, стр. 166.
[2]) „Русскій Курьеръ" 1880 г., № 159.
[3]) „Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Др." 1864 г., № 4.

священникъ, — привело меня къ тому убѣжденію, что ея почву и силу составляетъ грамотность. Есть и неграмотные штундисты, но масса умѣетъ читать“... „Грамотность, давая силу и значеніе общинѣ, служитъ главнымъ орудіемъ къ распространенію ереси“ [1]). „Каждый изъ желающихъ вступить въ секту штундистовъ обязанъ предварительно научиться чтенію и письму, ученіе производится безъ всякаго вознагражденія“ [2]). „Штундисты не только не считаютъ за грѣхъ имѣть свѣтскія книги, но даже выписываютъ газеты, покупаютъ ихъ у евреевъ и торгашей и выпрашиваютъ у помѣщиковъ. Мѣстныя, болѣе распространенныя въ краѣ газеты, читаются штундистами даже на общественныхъ собраніяхъ“ [3]).

Тѣ же самыя явленія мы встрѣчаемъ и среди молоканъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ выдающихся ревнителей молоканства, въ Козловскомъ уѣздѣ, Монаенковъ, доказывая, что православную вѣру выдумало духовенство, чтобъ имѣть средства къ жизни, убѣждалъ своихъ послѣдователей учить дѣтей грамотности и посредствомъ чтенія Библіи убѣдиться въ правотѣ и истинности его ученія. „Крестьяне слѣдовали его совѣтамъ и, съ развитіемъ грамотности въ ихъ средѣ, число его послѣдователей быстро возрастало“ [4]). Но сектанты не довольствуются одною грамотностью. Интересныя свѣдѣнія по этому поводу сообщаетъ самарскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“. По его словамъ, среди молоканъ „встрѣчаются люди,

---

[1]) „Херсонскія Епархіал. Вѣдомости“ 1873 г., № 3.
[2]) „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ 1880 г. № 91.
[3]) „Недѣля“ 1877 г., № 1.
[4]) „Русскія Вѣдомости“ 1880 г., № 54.

хотя и не учившіеся въ классическихъ гимназіяхъ, тѣмъ не менѣе очень начитанные, съ весьма яснымъ, здравымъ взглядомъ на вещи. Есть и такіе, которые коротко знакомы съ твореніями Бокля, Дрепера, даже Дарвина. Они превосходно знаютъ всю русскую исторію и многое другое; они вполнѣ и хорошо знакомы съ положеніемъ и естественнымъ разрѣшеніемъ всѣхъ нашихъ общественныхъ вопросовъ и задачъ“ [1]).

Въ виду подобныхъ фактовъ, не пора ли намъ бросить толки о невѣжествѣ и закоснѣлости нашихъ сектантовъ?.. Люди, изучавшіе наше сектантство въ мѣстахъ его распространенія, свидѣтельствуютъ, что школы и грамотность до сихъ поръ не только не вліяли на ослабленіе раскола, а, напротивъ, повсюду способствовали еще бо́льшему распространенію и усиленію раскола [2]).

Итакъ, сектантство не только растетъ, но и прогрессируетъ. Ученія раскола, вылившись непосредственно изъ народнаго духа, не представляютъ собою чего-нибудь неподвижнаго, постояннаго, разъ отлившагося въ извѣстныя, вполнѣ опредѣленныя формы и застывшаго въ этихъ формахъ. Нѣтъ! Дробясь и видоизмѣняясь, различныя ученія раскола, съ теченіемъ времени, постоянно принимаютъ въ себя новыя вліянія, поглощаютъ новыя идеи и направленія, которыя не даютъ имъ застыть, окоченѣть и заглохнуть, которыя обновляютъ ихъ, внося съ собою новыя силы, новую энергію и живучесть. Не даромъ одинъ изъ талантливѣйшихъ учителей бѣгунства,

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“ 1880 г., № 56.

[2]) Этотъ фактъ, между прочимъ, удостовѣряется, какъ мы видѣли, и офиціальными изслѣдователями раскола, изучавшими это явленіе по порученію правительства.

Никита Семеновъ Киселевъ, писалъ, что исповѣдуемая ими вѣра Христова „ничто же старое имать, но присно юнѣетъ“, т.-е. вѣчно молодѣетъ, цвѣтетъ, развивается. Воспріимчивость раскола въ этомъ отношеніи поистинѣ изумительна. „Новыя идеи, если только онѣ совпадаютъ съ характеромъ народа и уясняютъ ему его же желанія, принимаются расколомъ очень легко и переходятъ въ плоть и кровь народа“ [1]).

Во всѣхъ движеніяхъ религіозно-этическаго характера мы видимъ горячее, искреннее стремленіе народа добиться истины, „правды“. Разумѣется, эти исканія далеко не всегда выводятъ его на вѣрную, настоящую дорогу. Часто одни заблужденія смѣняются другими, не менѣе грубыми. Но, спрашивается, кому же истина давалась сразу въ руки? И развѣ мы, культурные, просвѣщенные люди, развѣ мы не сбивались съ пути, не впадали въ уродливыя, дикія крайности?.. Не будемъ же черезчуръ строги къ работѣ народной мысли. Заблужденія, уклоненія отъ истины здѣсь неизбѣжны и простительны больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. . . . . .

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
[redacted]

[1]) Кельсіевъ. „Сборникъ прав. свѣд. о раскол.“. Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отъ автора 3

Расколъ и сектантство въ русской народной жизни 5

I. Исканія правды 12

II. Соціальные элементы въ расколѣ. 31

III. Отчеты и жизнь. 57

IV. Темныя и свѣтлыя стороны раскола 76

НОВАЯ КНИГА

А. С. Пругавинъ.

Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію.

ВТОРОЕ, значительно дополненное, изданіе. С.-Петербургъ. 1904 г. 1095 стр. убористой печати. Цѣна **3** руб. **50** коп.

Книга заключаетъ въ себѣ всѣ сколько-нибудь значительныя законоположенія, правительственныя распоряженія, циркуляры, инструкціи и разъясненія по народному образованію, какъ школьному, такъ и внѣшкольному. Кромѣ того, она содержитъ въ себѣ справочныя свѣдѣнія относительно разнаго типа библіотекъ, читаленъ, устройства народныхъ чтеній, публичныхъ лекцій, литературно-музыкальныхъ вечеровъ, о народномъ театрѣ и народныхъ домахъ, о книжной торговлѣ, о книгоиздательствѣ, музеяхъ, учебныхъ пособіяхъ, обществахъ, содѣйствующихъ народному образованію, и т. д.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга эта РАЗРѢШЕНА въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Товарищества „Общественная Польза“, СПБ., Бол. Подъяческая, 39.

„МИЛІОНЪ“.

Разсказъ **А. С. Борецкаго.** Цѣна **25** коп.

Складъ изданія въ конторѣ журнала „Образованіе“, СПБ., Моховая, 33.

„Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости“.

Очеркъ **А. С. Пругавина.**

Изданіе Товарищества „Донская Рѣчь“. Цѣна **8** коп.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ КНИГИ

А. С. Пругавина:

„Запросы народа
и обязанности государства въ области
просвѣщенія и воспитанія".

Всю корреспонденцію на имя автора слѣдуетъ направлять по слѣдующему адресу:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Введенская, 17,
Александру Степановичу ПРУГАВИНУ.

Цѣна 30 коп.